

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Лаборатория междисциплинарного изучения
археологии Западной Сибири и Алтая

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ
ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И АЛТАЯ**

Тезисы докладов отчетной сессии

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2014

УДК 902(571.1)
ББК 63.48(253.3)
М 43

Ответственные редакторы:
академик РАН, доктор исторических наук *А.П. Деревянко*;
доктор исторических наук *Ю.Ф. Кирюшин*

Редакционная коллегия:
А.И. Кривошапкин, В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова,
Д.В. Папин (отв. секретарь), А.А. Тишкин, М.В. Шуньков

М 43 **Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая:** тезисы докладов отчетной сессии / отв. ред. А.П. Деревянко, Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – Вып. 1. – 116 с.

ISBN

В сборнике публикуются тезисы докладов отчетной сессии Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, созданной в рамках реализации постановления правительства Российской Федерации №220, по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования, научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. Работы отражают научные результаты исследовательской деятельности проведенной сотрудниками подразделения в 2014 году. Тематически охвачены периоды с древнейшей истории и вплоть до этнографического времени, рассматриваются методические, методологические и историографические вопросы археологии и исторической науки.

Издание предназначено как для специалистов (археологов, музеологов, культурологов, историков, искусствоведов), так и для всех интересующихся указанной тематикой.

УДК 902(571.1)
ББК 63.48(253.3)

*Издание подготовлено при финансовой поддержке гранта
Министерства образования и науки РФ (постановление №220),
полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири:
формирование и динамика культур на территории Северной Азии»*

ISBN

© Оформление. Изд-во Алтайского университета, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бородовский А.П.</i> Археологическое обследование побережья Телецкого озера на территории Алтайского государственного природного биосферного заповедника	6
<i>Вальков И.А.</i> Особенности топографии следов обработки и утилизации на костяных проколках (по материалам поселения Березовая Лука)	10
<i>Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю.</i> Остеозоологические материалы из раскопок энеолитического поселения Новоильинка-VI (Северная Кулунда)	12
<i>Горбунов В.В.</i> Эволюция стрелкового оружия у населения сроткинской культуры (конец I – начало II тыс. н.э.)	16
<i>Горбунов В.В., Тишкин А.А., Идэрхангай Т.-О., Мунхбаяр Ч., Серегин Н.Н., Лихачева О.С., Паришкова Т.С.</i> Раскопки тюркских оградок в Западной и Центральной Монголии	19
<i>Грушин С.П., Спиненко О.В.</i> Планиграфия керамики на поселении Колыванское-I	22
<i>Грушин С.П., Тишкин А.А., Фрибус А.В., Мунхбаяр Ч., Леонтьева Д.С., Сайберт В.О., Миляев Г.А., Спиненко О.В.</i> Особенности археологического комплекса Баян Энгэр (Монгольский Алтай)	25
<i>Деревянко А.П., Маркин С.В., Колобова К.А.</i> Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая в контексте синхронных индустрий Евразии	28
<i>Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Чеха А.М., Кандыба А.В.</i> Изучение среднего палеолита в восточной галерее Денисовой пещеры	31
<i>Кирюшин К.Ю.</i> Исследования на поселении эпохи энеолита Новоильинка-VI в 2014 году	33
<i>Кирюшин К.Ю., Гольева А.А., Силантьева М.М., Соломонова М.Ю., Сперанская Н.Ю.</i> Новые результаты почвенных исследований на территории поселения Новоильинка-III	36
<i>Кирюшин К.Ю., Платонова С.Г.</i> Петрографический анализ каменного материала из погребений эпохи энеолита-ранней бронзы грунтового могильника Тузовские Бугры-1	38

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Соломонова М.Ю., Сперанская Н.Ю. Почвенные и микробиоморфные исследования на поселении Новоильинка-VI в 2014 г.	41
Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В. Материалы I тыс. до н.э. могильника Тузовские Бугры-I (по результатам исследований 2014 года)	44
Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А. Феномен «бурлинского типа памятников»	47
Клименко М.Ю. Собрание остеологических коллекций животных в Музее археологии этнографии Алтая АлтГУ: перспективы использования	49
Кобелева Л.С. Некоторые особенности орнаментации сосудов саргатской культуры	52
Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Павленок Г.Д. Новый этап изучения пещеры Страшная (2013–2014 гг.)	54
Кулик Н.А., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Петрографическая характеристика палеолитических индустрий из восточной галереи Денисовой пещеры	56
Лихачева О.С. Комплекс боевых средств большереченской культуры	58
Маркин С.В., Гладышев С.А. Исследования среднепалеолитических отложений Чагырской пещеры в 2014 г.	61
Молодин В.И. Комплекс памятников, объединенных общим названием Тартас-1: некоторые итоги и перспективы исследований ...	64
Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Морфологический анализ сосудов эпохи поздней бронзы памятника Крохалевка-13 ...	67
Мыльников В.П. Проблемы изучения деревянных предметов из археологических памятников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.) ...	70
Ненахов Д.А. Некоторые особенности размещения «прикладов» на ритуальном комплексе Тартас-1	72
Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А., Фролов Я.В. Городища переходного времени от бронзы к железу Алтая как источник для проведения культурно-исторических реконструкций	75
Паршикова Т.С. Охрана археологических памятников Алтая в 1960-е гг. и создание Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)	78

<i>Пилипенко А.С., Папин Д.В.</i> Молекулярно-генетическое исследование останков domesticiрованных животных из археологических памятников Алтая эпохи бронзы	81
<i>Рыбин Е.П.</i> Временные и территориальные рамки леваллуазской остройной технологии в Северной и Центральной Азии	83
<i>Серегин Н.Н.</i> Особенности распространения и планиграфии погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии	85
<i>Степанова Н.Ф.</i> Проблема датировки афанасьевской культуры: несоответствие археологических и радиоуглеродных дат	89
<i>Тишкин А.А.</i> Результаты и перспективы использования портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра при изучении древних и средневековых изделий из цветных металлов	91
<i>Тишкин А.А., Мухарева А.Н., Идэрхангай Т.-О.</i> Реализация программы изучения «оленных» камней	95
<i>Тишкина Т.В.</i> Археологические коллекции в музеях Алтайского края	99
<i>Тур С.С.</i> Антропологические материалы из Барангольского некрополя скифского времени (долина Нижней Катунь)	102
<i>Федорук О.А.</i> Проблемы изучения социальной организации населения андроновской культуры на территории Алтая	105
<i>Фрибус А.В., Грушин С.П., Вальков И.А., Леонтьева Д.С., Миляев Г.А., Сайберт В.О., Спиненко О.В., Трусова Е.В.</i> Результаты работ на грунтовом могильнике Чумыш-Перекаат в 2014 г.	107
<i>Фролов Я.В.</i> Пряслица из погребальных комплексов раннего железного века Барнаульского Приобья	109
<i>Чижишева Т.А., Поздняков Д.В., Зубова А.В.</i> Палеоантропологическая характеристика населения эпохи неолита Барабы (по материалам памятника Венгерovo-2)	112
Список сокращений	115

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ПОБЕРЕЖЬЯ ТЕЛЕЦКОГО ОЗЕРА НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИРОДНОГО БИОСФЕРНОГО ЗАПОВЕДНИКА

А.П. Бородовский

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Побережье Телецкого озера, несмотря на проведение эпизодических археологических обследований еще в конце XIX в. [Ядринцев, 1883], в XX в. [Бородаев, 1992; Бородаев, Кадиков, 1986; Бородаев, Селегей, 1990] и начале XXI в. [Бородовский, 2003; Соенов, 2003, 2004, 2013; Самаев, 2008] во многом еще остается одной из слабо изученной территорий Горного Алтая.

Осенью 2014 г. на территории Алтайского государственного природного биосферного заповедника автором было проведено очередное археологическое обследование. Исследовательский маршрут проходил по северо-восточному побережью Телецкого озера от с. Яйлю, мыса Чичилган, устья р. Турочак, залива Камга, кордона Челюш, кордона Беле. В районе пристани с. Яйлю выявлена находка каменного диска точила, относящаяся к раннему этапу освоения этой территории русским населением. За селом на высокой террасе обнаружено каменное грузило (рис. 1.-1). При обследовании у кордона Челюш был снят план курганный группы и уточнено место сбора керамического материала (эпохи палеометалла) на огородах (рис. 1.-6). Из случайных находок у этого кордона следует отметить медную подпружную или поясную пряжку с выступающим носиком эпохи раннего железа (рис. 1.-2), а также ряд предметов, связанных со

Рис. 1. Археологические находки с северо-восточного побережья Телецкого озера: 1 – каменное грузило из Яйлю; 2 – медная пряжка из Челюша; 3 – медный котел из Челюша; 4 – каменное изваяние из Беле; 5 – промысловый набор из Челюша; 6 – керамика эпохи железа из Челюша

временем русского освоения побережья Телецкого озера. Среди них медный котел (рис. 1.-3), курковое охотничье ружье «кырлык» тульского производства 1856 г. и комплект предметов (натруска и пороховой заряд из рога, каменный диск, крючки, медная скоба), уложенных в берестяной туес (рис. 1.-5). За территорией кордона Челюш выявлена система суваков и одиночные каменные надмогильные погребальные конструкции этнографического времени.

В окрестностях Беле осмотрены каменные изваяния – стела и тюркская скульптура (рис. 1.-4). Установлено, что, скорее всего эти объекты были перемещены со своего исходного месторасположения, вследствие сельскохозяйственного воздействия на эту территорию (распашки и садоводства). Там же выявлен курган с фрагментами кромлеха, возможно относящийся к эпохе палеометалла.

Подводя итоги, следует отметить, что в ходе проведенного археологического обследования было вновь выявлено около десятка ОАН. Особое внимание обращалось на учет и культурно-историческую атрибуцию случайных находок, как особой разновидности археологических источников. Следует подчеркнуть, что ряд предметов (например, ножей) происходит из археологических памятников различного типа (погребальных, поселенческих, ритуальных), являясь косвенными признаками для их поиска и локализации.

К сожалению, следует констатировать, что даже для этой трудно доступной и хорошо охраняемой территории уже известны единичные факты присутствия черных копателей с металлодетекторами. Это может стать одним из факторов нанесения существенного ущерба известному и еще не выявленному археологическому наследию заповедника. Поэтому к настоящему времени, давно назрела потребность составления сводной археологической карты побережья Телецкого озера, как одной из основ научной организации учета и охраны археологического наследия Алтайского государственного природного биосферного заповедника, а также части общего свода археологических памятников Республики Алтай.

Список литературы

Бородаев В.Б. Археологические памятники восточного побережья Телецкого озера // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – С. 38–39.

Бородаев В.Б., Кадиков Б.Х. Находки у поселка Иогач на Телецком озере // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1986. – С. 38–40.

Бородаев В.Б., Селегей В.В. Бронзовый нож с мыса Чичилган на Телецком озере // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. – С. 62–66.

Бородовский А.П. Археолого-этнографические исследования по туристическому маршруту «Алтайская одиссея» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: БГПУ, 2003. – Вып. XIII. – С. 33–39.

Самаев Г.П. Укрепления Уйтту-Каи, Тоолока и Аратала // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – Вып. 7. – С. 78–87.

Соенов В.И. Разведки на северном побережье Телецкого озера // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: БГПУ, 2003. – Вып. XIII. – С. 107–108.

Соенов В.И. Результаты разведочных работ на северном побережье Телецкого озера // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. – №12. – С. 49–52.

Соенов В.И. История изучения археологических памятников северо-восточного Алтая // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – Новосибирск: НП «СибАК», 2013. – №24. – С. 83–93.

Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей: Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 гг. // Древности: Тр. Имп. Моск. Археол. о-ва. – М., 1883. – Т. 9, вып. 2–3. – С. 181–205.

**ОСОБЕННОСТИ ТОПОГРАФИИ
СЛЕДОВ ОБРАБОТКИ И УТИЛИЗАЦИИ
НА КОСТЯНЫХ ПРОКОЛКАХ
(по материалам поселения Березовая Лука)**

И.А. Вальков

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В настоящее время в археологической науке продолжает возрастать актуальность экспериментально-трасологических исследований, методика которых была разработана в середине прошлого века выдающимся ученым С.А. Семеновым [1957]. Однако отдельные вопросы данной методики, несмотря на бурное развитие данного направления, остаются слабообразованными. К одному из таковых следует отнести вопрос о специфике изучения топографии поверхности орудий труда.

Несмотря на то, что учет топографии поверхности отмечается исследователями как необходимое условие трасологического анализа орудий труда [Коробкова, Шаровская, 2001, с. 88], тем не менее, признается как нечто само собой разумеющееся, не требующее разъяснений. Однако на деле вопрос не сводится лишь к определению границ непосредственно рабочего края орудия. К примеру, интерес представляют наблюдения, касающиеся выявления следов обработки на поверхности изделий.

В процессе трасологического изучения костяных орудий поселения Березовая Лука возникла проблема выявления на проколках из грифельных костей следов от обработки. В результате изучения под микроскопом поверхности проколов, а также экспериментальных орудий (прокол, предварительно обработанных каменным, а частью металлическим ножом и шлифованием), которыми была смоделирована работа по прокалыванию слегка раз-

моченной кожи, выявлены некоторые особенности их микрофотографии. На поверхности проколки четко локализуются три зоны распространения микроследов. Если начать с острия, которое можно обозначить как «рабочий край» орудия, то оно имеет жирную заполировку, которая возникает при работе с первых проделанных отверстий, уничтожая следы обработки. Вторая зона располагается на противоположном крае, т.е. «рукоятная часть». Она также подвергается сильной заполировке, возникающей от руки человека. Данная часть орудия, как правило, может вообще не обрабатываться, так как обработка преследует цель заострения рабочего края, а не выделки всей поверхности проколки. Третья зона, являющаяся промежуточной между первыми двумя, является наиболее оптимальной для выявления следов обработки, где они в меньшей степени подвержены уничтожению. Следует, однако, заметить, что нельзя абсолютизировать данные наблюдения и распространять автоматически на всю массу имеющихся проколки, так как существенную роль играют объемы выполненной ими работы, особенности размеров, специфика обработки.

Таким образом, учет особенностей топографии поверхности орудий позволяет получить дополнительную информацию о характере и способах их обработки.

Список литературы

Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А. Костяные орудия каменного века (диагностика следов изнашивания по археологическим и экспериментальным данным) // Археологические вести. – СПб.: ИИМК РАН, 2001. – №8. – С. 88–99.

Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). – М., 1957.

**ОСТЕОЗОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ РАСКОПОК ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО
ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-VI
(Северная Кулунда)**

Л.Л. Гайдученко¹, К.Ю. Кирюшин²

¹ Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия

² Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В 2013 г. в Хабарском районе Алтайского края выявлен новый памятник эпохи энеолита – поселение Новоильинка-VI [Кирюшин, 2013]. Летом 2014 г. исследования памятника были продолжены. В полевой сезон 2014 г. собрано 38634 костных остатка, из которых 2877 определимы до вида или иной приемлемой систематической категории. Данные определений коллекций 2013 и 2014 гг. приведены в таблице 1.

Таблица 1

Систематическая принадлежность
археологических остатков из раскопок Новоильинка-VI

Систематическая принадлежность	Всего	
	2013–2014*	
	Кости	Особи
Домашние		
Лошадь	2079	134
КРС	674	86
Собака	36	17
Дикие		
Лось	21	9
Кулан	3	2

Систематическая принадлежность	Всего	
	2013–2014*	
	Кости	Особи
Кабан	1	1
Косуля	39	19
Медведь	1	1
Волк	2	2
Лисица	5	2
Корсак	11	7
Заяц	2	2
Птица	3	3
Неопределимые	34067	

* Данные о сборах 2013 г. взяты из статьи [Гайдученко, Кирюшин, 2013, табл. 1].

По количеству костей абсолютно преобладают домашние виды – 96,9%, среди которых доминирует лошадь – 74,5%. Крупный рогатый скот занимает вторую позицию – 24,2%.

Поскольку основной функцией животных, кости которых изучаются, было мясообеспечение, то для выяснения значимости конкретного вида или группы необходимо определить поедаемую массу тела (далее – ПМТ). Для более конкретного определения ПМТ в расчеты следует вовлечь категорию «неопределимые остатки», насчитывающую 36452 разновеликих обломка, что составляет 92,7% от всего остеологического материала. Методика пропорционального распределения «неопределимых остатков» отработана [Гайдученко, 2012; Гайдученко, Кирюшин, 2013]. Отметим лишь то, что в данном случае пересчет не вовлечены четыре систематических категории – лисица, корсак, заяц и птица, так как обломки их костей на фоне остальных распознаются вполне удовлетворительно и в категорию «неопределимых» они не попали.

Из таблицы 2 следует, что по количеству костей доминируют домашние виды – 98% от общего количества костей. Среди домашних лидирует лошадь – 74,68%; крупный рогатый скот, как и по данным таблицы 1, занимает второе место – 24%.

Таблица 2

Количество костей и особей животных из раскопок поселения Новоильинка-VI с учетом группы «неопределимые»

Систематическая принадлежность	Кости	Особи
Домашние	38526	3168
Лошадь	28770	1814
Крупный рогатый скот	9240	1132
Собака	516	222
Дикие	803	412
Лось	199	90
Кулан	9	6
Кабан	18	17
Косуля	504	238
Медведь	18	17
Волк	35	33
Лисица	5	2
Корсак	11	7
Заяц	2	2
Птица	2	2

В результате полевых работ и выполненных камеральных исследований получены новые материалы и данные для выявления хозяйственной деятельности энеолитического населения Кулунды. По сравнению с 2013 г. расширен видовой состав домашних (добавлена собака) и диких животных, добывавшихся охотами (добавлены: лось, кулан, кабан, медведь, волк, лисица, корсак, заяц, птица).

Подтвержден преимущественно животноводческий характер экономики энеолитических племен Кулунды. Варьируя в соотношении видов домашних животных, животноводство энеолитического населения Кулунды сопоставимо с животноводством энеолитических племен степного Казахстана (Тургая, Сары-Арки, Кокшетауской возвышенности).

Список литературы

Гайдученко Л.Л. Osteологический комплекс поселения Токсанбай // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана

в г. Астана. – Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2012. – Т. 1. – С. 160–170.

Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Остеологический комплекс раннеэнеолитического поселения Новоильинка-6 в Кулунде // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. – Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. – Т. II. – С. 212–220.

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка-VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 202–206.

ЭВОЛЮЦИЯ СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ У НАСЕЛЕНИЯ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (конец I – начало II тыс. н.э.)

В.В. Горбунов

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В конце раннего и начале развитого средневековья населением сrostкинской культуры Лесостепного Алтая активно разрабатывались и осваивались новые конструкции сложносоставных луков и наконечников стрел. Их эволюция проходила в тесном взаимодействии и была направлена на повышение эффективности дистанционного боя, путем отбора оптимальных форм для поражения живой силы противника и преодоления усиливающих средств защиты.

На этапе формирования сrostкинской культуры (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.) население Лесостепного Алтая применяло луки с одной зоной жесткости на рукояти, которую усиливали две роговые боковые накладки. Луки этого типа по происхождению можно считать тюркскими. Однако большинство сrostкинских луков отличается от тюркских накладками меньших размеров [Гаврилова, 1965, с. 87–88]. Набор наконечников стрел того времени также несет в себе тюркское наследие, что проявляется в численном преобладании неброневойных экземпляров с трехлопастным пером. Редкими экземплярами представлены наконечники с однолопастным и двухлопастным пером. Уже на раннем этапе развития сrostкинский набор отличаются разнообразными броневойными наконечниками с пером трехгранного, четырехгранного и круглого сечения. Преобладающими формами пера у наконечников стрел являются треугольная, ромбические, пятиугольная и килевидная, более редки шестиугольная и листо-

видная. Сохраняются отдельные формы, характерные для предыдущей одинцовской культуры (например, ярусная) [Горбунов, 2006, рис. 78.-1].

На следующем этапе развития сrostкинской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X в.) наблюдается значительный рост модификаций луков. Наряду с двумя боковыми накладками, рукоять лука начинают укреплять тремя накладками (две боковых и одна тыльная) и пятью накладками (две боковых, одна тыльная центральная и две тыльных крайних). Луки с тремя накладками имеют тюркскую основу, но их накладки оформлены в сrostкинской традиции [Горбунов, 2014, с. 506]. Луки с комплектом из пяти срединных накладок являются местным развитием предыдущего типа. Считается, что они послужили основой для эволюции луков предмонгольского времени [Савинов, 1981, с. 161]. Среди наконечников стрел данного периода вдвое вырастает доля бронебойных экземпляров, с прежними сечениями пера, которые обгоняют трехлопастные. Постепенно увеличивается разнообразие однолопастных наконечников. Основными формами пера являются: треугольная, ромбические и килевидная. Менее распространены листовидная, шести и пятиугольная. Ярусные и срезневые формы редки [Горбунов, 2006, рис. 78.-2].

В период расцвета сrostкинской общности (2-я половина X – 1-я половина XI в.) население Лесостепного Алтая использовало наиболее типологически развитый набор стрелкового оружия. В него входило три типа луков со срединными накладками: с двумя боковыми, с двумя боковыми и одной тыльной, с одной тыльной. Последняя конструкция раньше всего появилась у байырку [Худяков, 1993, с. 129–131]. Однако сrostкинские луки с одной тыльной накладкой имеют более короткую рукоять, чем забайкальские, и их накладки оформлены в местной традиции [Горбунов, 2014, с. 509]. Стрелы этого периода по-прежнему снабжаются большим числом бронебойных наконечников с четырех и трехгранным пером. Появляются отдельные экземпляры с трехгранно-трехлопастным пером, видимо, отражающие кыргызское влияние. Число и разнообразие трехлопастных наконечников сохраняет тенденцию к сокращению, а однолопастных

наконечников к увеличению. Среди форм пера существенных изменений не происходит [Горбунов, 2006, с. 44, рис. 78.-3].

На заключительном этапе существования сросткинской культуры (2-я половина XI – XII в.) продолжают применяться луки с тремя или одной накладками на рукояти, но появляются и новые модификации с тремя зонами жесткости: на рукояти и окончаниях. Такие луки снабжались одной или двумя срединными и двумя концевыми фронтальными накладками. Их происхождение, видимо, следует связывать с луками байырку, хотя аналогичного состава накладок в Забайкалье не встречается [Худяков, 1993, с. 130–131, рис. 15]. На данном этапе уже традиционно преобладают бронебойные наконечники стрел с пером трех и четырехгранного, а также трехгранно-трехлопастного сечения. У небронебойных наконечников происходит резкое сокращение трехлопастных экземпляров и существенный рост однолопастных. Снова появляются единичные двухлопастные экземпляры. Основными формами пера являются треугольная и ромбические, редкими ярусная, шестиугольная, листовидная, килевидная и овальная [Горбунов, 2006, с. 45, рис. 78.-4].

Список литературы

Гаврилова А.А. Могилиник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 232 с.

Горбунов В.В. Сложносоставные луки сросткинской культуры (VIII–XII вв. н.э.) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. III. – С. 505–510.

Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 146–162.

Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 107–148.

РАСКОПКИ ТЮРКСКИХ ОГРАДОК В ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ МОНГОЛИИ

**В.В. Горбунов¹, А.А. Тишкин¹, Т.-О. Идэрхангай^{1,2},
Ч. Мунхбаяр³, Н.Н. Серегин¹, О.С. Лихачева¹, Т.С. Паршикова¹**

¹ *Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия;*

² *Улаанбаатарский институт Монгольского
государственного университета,
Улан-Батор, Монголия;*

³ *Ховдский государственный университет,
Ховд, Монголия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Изучение раннесредневековой культуры тюрков является одним из направлений научно-исследовательской программы АлтГУ. В этом плане археологические работы в Центральной Азии имеют важное значение, именно там сосредоточен значительный массив разновременных комплексов. Среди них особое место занимают тюркские оградки. Результаты раскопок таких объектов в Западной и Центральной Монголии, осуществленных в 2014 г. Буянтской российско-монгольской экспедицией, посвящено данное сообщение.

Основной причиной исследования памятника Бийрэг, который находится в Ховдском аймаке (географические координаты: N – 48°18.883', E – 091°09.704'), стало обнаружение рунической надписи на одной из плит, доставленной в местный музей. Две тюркские оградки оказались сильно разрушены современными грабительскими проникновениями. Они располагались на расстоянии 0,45–0,75 м друг от друга и исследовались в рамках традиционной методики. По своим конструктивным особенностям объекты находят аналогии среди известных тюркских сооружений. Зафиксированные особенности позволяют сделать заклю-

чение об их разновременности. Так у объекта №1 по сторонам света ориентированы стенки оградки, а у объекта №2 – углы. Существенные отличия имеются и в конструкции. Контур оградки №1 сделан из множества использованных камней, а у оградки №2 он состоит всего из четырех крупных плит. Согласно мнению В.Е. Войтова [1996, с. 61, 70], первый вариант устройства является характерным показателем для VI–VII вв., а второй – для конца VII – 1-й половины VIII в. Указанные наблюдения позволяют предположить, что сначала в местности Бийрэг была построена одиночная оградка №1, а затем (не ранее рубежа VII–VIII вв.) рядом с ней соорудили оградку №2.

Сама плита с рунической надписью обследована в музее г. Ховда. Она представляет собой плоский камень длиной 109 см, толщиной от 2,5 до 3 см. На одной из широких сторон по центру выбито изображение козла. Левее вырезана горизонтальная строка надписи длиной 12,5 см, высотой до 2,1 см. Выше находятся три крупные тамги. Знаки рунического письма сделаны тонкими резными линиями. Некоторые из них соответствуют буквам орхонского алфавита [Кызласов, 2002, табл. 3, 9, 21, 31], но большинство характерно для выделяемого И.Л. Кызласовым [1994] южно-енисейского алфавита, носителями которого данный исследователь считает тюркок-тугию, а его существование определяет VIII–X вв.

Следующий памятник, Хушуун дэнж-04, обнаружен на территории Батцэнгэл сомона Архангайского аймака. Он представляет собой четыре тюркские оградки, в конструкции которых использованы «оленные» камни. Намеченный для раскопок объект №2 (географические координаты: N – 48°06.619'; E – 102°03.343') оказался ориентирован стенками по сторонам света с небольшим отклонением.

Исследованная оградка по своим конструктивным особенностям находит аналогии среди тюркских сооружений Центральной Азии. Основу подквадратной конструкции составляли уложенные по периметру плиты разных размеров. Как уже отмечено, этот показатель является ранним признаком [Войтов, 1996, с. 70]. Крупные размеры оградки сближают данный объект с оградками

2-й половины VI – 1-й половины VII в. н.э. Наличие ямы в центре находит соответствия среди Бугутского комплекса в Хангае и памятника Ян-Гобо на Алтае [Войтов, 1996, рис. 48; Кубарев, 1984, табл. XXXIX].

Список литературы

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в кульгово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Изд-во ГМВ, 1996. – 152 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: Восточная литература, 1994. – 327 с.

Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ «Универ-Принт», 2002. – 164 с.

ПЛАНИГРАФИЯ КЕРАМИКИ НА ПОСЕЛЕНИИ КОЛЫВАНСКОЕ-I

С.П. Грушин, О.В. Спиненко

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В изучении эпохи ранней бронзы на территории Обь-Иртышья актуальной проблемой является соотношение различных керамических типов между собой. Так, для елунинского керамического комплекса – XXII–XIX вв. до н.э. выделены две орнаментальные традиции – «отступающе-накольчатая» («отступающая палочка» и «проташенная палочка») и «шагающая» («шагающая гребенка» и «гребенчатая качалка») [Грушин, 2003, с. 51]. Вопрос об историко-культурной интерпретации выявленных традиций остается открытым.

Данная работа посвящена изучению проблемы соотношения керамики двух типов в елунинской орнаментальной традиции на примере поселения Колыванское-I, расположенного на северном берегу одноименного озера в Змеиногорском районе Алтайского края. Памятник открыт в 1982 г. Ю.П. Алехиным, им совместно с М.А. Деминым в 1982–1988 гг. были проведены раскопки части поселения. В 2010–2014 гг. полевое изучение поселения было продолжено С.П. Грушиным. Общая площадь раскопа за последний период составила 1076 кв. м. Целью работы стало выявление планиграфических закономерностей распространения двух типов керамики на данном поселении. Для этого была осуществлена классификация керамики по орнаментальным традициям, произведена ее статистика по слоям и группам; выявлены планиграфические закономерности распространения керамики.

В процессе работы были исследованы 2011 фрагментов орнаментированной керамики, из них 530 экз. составили группу посуды украшенной «шагающей гребенкой» и 1481 экз. – группу керамики с «отступающей палочкой». По плотности концентрации находок на раскопанной площади поселения выделяются три зоны, которые условно можно обозначить как северная, центральная и южная зоны.

Северная характеризуется наибольшей концентрацией находок, преобладающим типом керамики там является «отступающе-накольчатая» посуда (1057 фр., 81%), а «шагающая» техника составляет 250 фр. (19%). В этой зоне керамика распространяется равномерно, только на некоторых участках зафиксировано несколько скоплений.

В центральной зоне керамики, как и других категорий находок, значительно меньше. Соотношение встречаемости двух традиций на данном участке в целом повторяет ситуацию, схожую с северным участком. Преобладающим типом керамики здесь является «отступающе-накольчатая» посуда (150 фр., 72,5%), «шагающая» техника составляет 57 фр. (27,5%).

В южной зоне концентрация находок, по сравнению с центральной, значительно возрастает. Соотношение двух типов керамики выравнивается: «отступающе-накольчатая» представлена 274 фр. (55%), «шагающая» – 223 фр. (45%).

Таким образом, планиграфическое распределение керамики по выделенным типам на поселении Кольванское-I позволило выявить следующие закономерности:

- керамика распространена по территории не равномерно, большая ее концентрация отмечена на северном и южном участках, центральный – характеризуется большей разреженностью;
- преобладает керамика, украшенная «отступающей палочкой», которая составляет примерно 1/3 от общего количества фрагментов;
- количество фрагментов, украшенных «шагающей гребенкой», постепенно увеличивается с севера на юг; соответственно, количество керамики с «отступающей палочкой» уменьшается с севера на юг.

Историко-культурная интерпретация выявленных закономерностей – тема дальнейших исследований.

Список литературы

Грушин С.П. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Кн. I. – С. 49–56.

ОСОБЕННОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА БАЯН ЭНГЭР (Монгольский Алтай)

**С.П. Грушин¹, А.А. Тишкин¹, А.В. Фрибус¹, Ч. Мунхбаяр²,
Д.С. Леонтьева¹, В.О. Сайберт¹, Г.А. Миляев¹, О.В. Спиненко¹**

¹ *Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

² *Ховдский государственный университет,
Ховд, Монголия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В июне 2014 г. один из отрядов Буянтской российско-монгольской экспедиции проводил плановые исследования археологического комплекса Баян Энгэр, находящегося на территории Эрдэнэбурэн сомона Ховдского аймака Монголии. В раскопках приняли участие студенты Ховдского государственного университета под руководством канд. ист. наук Ч. Мунхбаяра.

Указанный памятник хорошо известен исследователям, которые когда-либо проезжали по дороге из Баян-Ульгий в Ховд. На самой границе аймаков стоят привлекающие внимание «оленные» камни, сведения о которых кратко отражены в монографии известного отечественного специалиста В.В. Волкова [2002, с. 49]. Рядом с ними находится крупный каменный ящик, сделанный из плит и окруженный своеобразной насыпью. Эти и другие ближайшие памятники неоднократно осматривались монгольскими и российскими археологами.

Основной задачей отряда являлось изучение погребальных и ритуальных объектов комплекса Баян Энгэр для получения сравнительной информации при реконструкции этнокультурных процессов, происходивших в эпоху бронзы на юге Западной Сибири и Алтае. Основные результаты работ представлены в данном сообщении.

При обследовании оставшихся «оленных» камней на территории объекта, получившего первый номер, были обнаружены металлические предметы (наконечник стрелы и пряжка), а также астрагалы мелкого рогатого скота и фрагменты керамики. По-видимому, эти находки связаны с ритуальной практикой скотоводов, посещавших данный комплекс. Следует указать, что памятник Баян Энгэр находится в аварийном состоянии. Он разрушается дорогой и сточными водами, а также оврагом, образовавшимся при взятии глины для возведения построек бывшей бригады.

На втором объекте был заложен раскоп длиной 12 м и шириной 10 м. После осуществленной зачистки оказалось, что насыпь размерами 8х6 м сложена из сланцевых обломков. В центре кургана стоит ящик из крупных плит, вертикально вкопанных на глубину 0,9 м и на 0,5 м возвышающихся над наброской. Он ориентирован длинной осью по линии ЮЗ–СВ. В заполнении погребальной камеры обнаружено несколько костей человека, а также часть черепа. Дно, выложенное плоскими камнями, по центру было разрушено грабительским лазом. В связи с планируемой музеефикацией, камни насыпи и плиты ящика оставлены на своих местах. Исследованный курган по своим конструктивным особенностям может быть отнесен к чемурчекской культуре периода ранней бронзы [Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2012, с. 20].

Третий объект представлял собой разрушенный каменный ящик, ориентированный длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Могила размерами 1,3х0,95 м и глубиной 0,65 м, находившаяся внутри него, оказалась сильно потревожена грызунами. В ней обнаружено погребение ребенка (в вытянутом положении). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Четвертый объект до раскопок фиксировался в виде нескольких вертикально стоявших камней. После снятия наброски обозначилось подпрямоугольное пятно. В заполнении ямы оказались два слоя каменных перекрытий из плиток. Дно обозначилось на глубине 0,85 м от уровня древней поверхности. Установить датировку и культурную принадлежность из-за отсутствия находок не представляется возможным.

Проведенные исследования дополняют ранее полученные сведения по археологии Монгольского Алтая. Наиболее информативными являются комплекс с «оленными» камнями и находящееся рядом местонахождение петроглифов.

Список литературы

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. История открытия комплексов ранней бронзы в центральной части Ховд аймака Монголии // Чемурчекский культурный феномен. Исследования последних лет. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. музей-институт семьи Рерихов, 2012. – С. 15–31.

СИБИРЯЧИХИНСКИЙ ВАРИАНТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ В КОНТЕКСТЕ СИНХРОННЫХ ИНДУСТРИЙ ЕВРАЗИИ

А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Результаты последних археологических и палеогенетических исследований на Алтае показали, что там выделяются несколько вариантов среднего палеолита, производителями которых были представители различных подвидов гоминид. Сибирячихинский вариант, выявленный на основе комплексов двух памятников (пещер им. Окладникова и Чагырской) и напрямую связываемый с деятельностью поздних неандертальцев, по своим технико-типологическим параметрам радикально отличается от леваллуа-мустьерских карабомовского и денисовского вариантов среднего палеолита [Деревянко, Маркин, Шуньков и др., 2013].

Однако если карабомовский и денисовский леваллуа-пластинчатые варианты среднего палеолита были обоснованы, на подробном технико-типологическом уровне [Деревянко, 2009], сибирячихинский вариант был выделен только на основе типологических критериев. Данные критерии это: наличие в орудийных наборах значительного количества угловатых скребел; двусторонних орудий; дисковидных и радиальных нуклеусов.

Отмеченный диссонанс в уровне изученности различных вариантов среднего палеолита на территории Алтая объясняется относительно недавним выделением самого сибирячихинского варианта, а также тем, что раскопки на основном памятнике – Чагырской пещере все еще продолжаются. В настоящий момент

накоплена значительная (более 70000 артефактов) коллекция и сложились все условия для проведения детального комплексного технико-типологического анализа.

На основании перечисленных характеристик комплексов сибирячихинского варианта среднего палеолита был сделан вывод об их западном (Закавказье, Юго-Западная Европа, Передняя Азия) происхождении [Деревянко, Маркин, Шуньков и др., 2013]. Вместе с тем, данными характеристиками обладают индустрии микокского и шарантского технокомплексов, обнаруженные в восточных районах Центральной Европы (Закарпатье) и юга Восточной Европы (Крым, Северный Кавказ) и датирующиеся OIS 5 – OIS 3. Носители шарантского технокомплекса неизвестны. На объектах микокского технокомплекса Крыма и Северного Кавказа обнаружены только останки неандертальцев [Чабай, 2004]. С другой стороны, до обнаружения антропологических материалов в пещерах им. Окладникова и Чагырской наиболее восточным проявлением «неандертальской ойкумены» считались материалы стоянки Тешик-Таш в Узбекистане [Glantz, Athreya, Ritzman, 2008].

Таким образом, в настоящее время определена восточная граница распространения неандертальцев во время климатических условий OIS 3 – предгорья Алтая, но не установлен технико-типологический статус их материальной культуры в контексте среднепалеолитических культур Евразии. Это определяет как необходимость полного технико-типологического обоснования сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая, так и проведение широких корреляций между комплексами географически отдаленных территорий для выявления возможных истоков и путей миграций неандертальского населения на территорию Северной Евразии.

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – №1 (53) – С. 89–103.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Цент-

ральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 328 с.

Чабай В.П. Средний палеолит Крыма. – Киев: Шлях, 2004. – 324 с.

Glantz M., Athreya S., Ritzman T. Is Central Asia the Eastern Outpost of the Neandertal Range? A Reassessment of the Teshik-Tash Child // *American Journal of Physical Anthropology*. – 2009. – Vol. 138(1). – С. 45–61.

Viola B.Th., Markin S.V., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Dobrovolskaya M.V., Le Cabec A., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublen J.-J. New Neanderthal remains from Chagyrskaya Cave (Altai Mountains, Russian Federation) // *American Journal of Physical Anthropology*. – 2012. – Vol. 147. – С. 293–294.

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

*А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, М.Б. Козликин,
А.М. Чеха, А.В. Кандыба*

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

На протяжении последнего десятилетия комплексные работы по изучению палеолита в Денисовой пещере проводятся в ее восточной галерее. В результате раскопок была получена многочисленная коллекция каменных артефактов, требующая всестороннего анализа и введения в научный оборот. В данной работе представлены результаты технико-типологического исследования среднепалеолитических комплексов из восточной галереи.

Коллекция каменных артефактов среднего палеолита общей численностью более 22 тыс. экз. происходит из литологических слоев 15–12. Сравнительный анализ материалов демонстрирует неоднородность каменной индустрии из этих стратиграфических подразделений. Четко выделяются два комплекса: первый, включающий материалы из слоев 15 и 14, и второй, объединяющий материалы из слоя 12. Первый комплекс характеризуется радиальной системой первичного расщепления, низким удельным весом сколов, преобладанием отщепов укороченных пропорций, низкой долей отщепов с подправкой карниза площадки, отсутствием пластин. Основу орудийного набора составляет зубчато-выемчатый компонент, распространены скребла, шиповидные орудия, отмечены изделия с вентральной подтеской. Второй комплекс характеризуется плоскостным параллельным и объемным расщеплением, тщательным оформлением нуклеусов, в соответствии

с этим увеличивается доля удлиненных отщепов и отщепов с подправкой карниза, а также процентное содержание отщепов с продольной однонаправленной огранкой дорсальной поверхности, появляются пластины. В орудийном наборе преобладают зубчато-выемчатые изделия и скребла; присутствуют резцы, ретушированные пластины; отмечены леваллуазские острия и тронкированно-фасетированные формы. Индустрия из слоя 13 занимает, скорее всего, переходное положение. С одной стороны набор нуклеусов представлен только радиальными ядрищами, как и в индустриях из слоев 15 и 14. С другой стороны, среди сколов достаточно высок удельный вес удлиненных заготовок, отщепов с точечными и линейными площадками, изделий с подправкой карниза площадки, что в свою очередь характерно для комплекса из слоя 12. Орудийный набор относительно беден и мало выразителен.

Различия между описанными выше палеолитическими комплексами демонстрируют, скорее всего, постепенные изменения в рамках единой индустриальной линии развития. Более определенно судить об этом будет возможно после корреляции среднепалеолитических материалов из восточной галереи с синхронными комплексами центрального зала, предвходовой площадки и южной галереи пещеры.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НОВОИЛЬИНКА-VI В 2014 ГОДУ

К.Ю. Кирюшин

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В 2013 г. в Хабарском районе Алтайского края выявлен новый памятник эпохи энеолита – поселение Новоильинка-VI. Из двух шурфов общей площадью 8 кв. м, были получены 694 фрагмента керамики и 2146 каменных артефактов [Кирюшин, 2013].

Летом 2014 г. исследования памятника продолжены. В 2014 г. на поселении исследовано 96 кв. м. В площадь раскопа практически полностью попало жилище эпохи энеолита (жилище №1). В площадь раскопа попали части еще двух жилищ.

Хорошо выделяются два горизонта: 1 – период, когда жилище использовалось как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы; 2 – период функционирования жилища. Уверенно можно говорить о том, что полученные в 2014 г. археологические коллекции относятся к первому периоду. Для этого комплекса жилища №1 получены две радиоуглеродные даты 4290 ± 95 л. т.н. (СОАН-9042) и 4320 ± 100 л. т.н. (СОАН-9043).

Обнаружено несколько десятков каменных наконечников стрел и скребков, дисковидные скребла на сланцевых плитках, наконечники дровиков, абразивы, стерженек составного рыболовного крючка, обломок утюжка, каменный вкладыш трапециевидной формы, две каменные бусины. Интересны орудия из кости: костяные мотыги (или копьевидные орудия), ложила, шпатели, трепала, круглые наконечники стрел (один целый и шесть обломков). Очень своеобразна серия изделий из первых фаланг коней: наковальни, утяжелители и 12 изделий условно названных «подшипниками» или «муфтами».

Керамические коллекции разнообразны. Наиболее распространенный орнаментальный прием – «отступающая» палочка с элементами накальвания (рис. 1.-3–9, 11). Встречено много

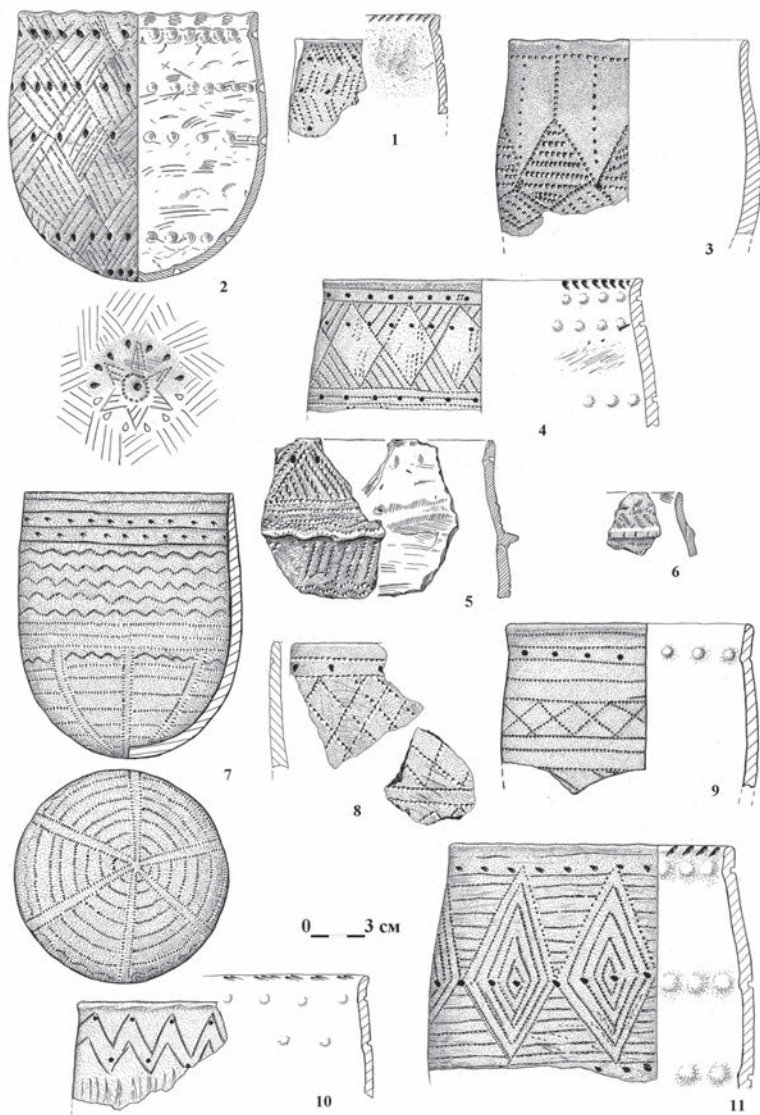

Рис. 1. Керамика поселения Новоильинка-VI

керамики декорированной отпечатками гребенчатого штампа и рядами ямок (рис. 1.-1, 2). Достаточно керамики, орнаментированной только рядами ямок. На нескольких сосудах отпечатки гребенчатого штампа и ряды ямок сочетаются с гладкой качалкой (рис. 1.-10). Еще несколько сосудов орнаментированы шагающей гребенкой. Единично встречен прочерченный орнамент. У многих сосудов на внутренней поверхности венчика имеются пальцевые вдавления или отпечатки короткого гребенчатого штампа (рис. 1.-1,2, 4, 5, 10, 11). У нескольких сосудов реконструируются формы (рис. 1.-2, 7). Украшением коллекции является керамика, сочетающая в себе энеолитические черты, – орнаментация отступающей палочкой с элементами накальвания и ряд ямок по венчику, а также раннебронзовые – валик в верхней части сосуда (рис. 1.-5).

Продолжение исследования поселения Новоильинка-VI позволит получить новые объективные данные для решения проблем формирования и динамики развития энеолитических культур Алтая и сопредельных территорий.

Библиографический список

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка-VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 202–206.

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЧВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-III

***К.Ю. Кирюшин¹, А.А. Гольева², М.М. Силантьев¹,
М.Ю. Соломонова¹, Н.Ю. Сперанская¹***

*¹ Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

*² Институт геологии,
Москва, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Поселение Новоильинка-III находится в Хабаровском районе Алтайского края. Материалы памятника датируются серединой – 2-й половиной III тыс. до н.э. В 2011–2013 гг. на территории памятника были проведены палеоботанические исследования, для которых в качестве основного метода был выбран фитолитный анализ [Кирюшин и др., 2013, с. 13]. По результатам исследований на месте работ реконструируется природная среда, отличающаяся от современной – опушка березово-хвойного леса или остепненный березовый колок с сосной. Однако, фитолиты лесных и луговых растений не являются доминирующими формами ни на одной глубине профиля и совместно с ними встречаются фитолиты степных злаков. Поэтому возникает трудность точного определения фитоценоза и установления времени сведения лесного сообщества [Кирюшин и др., 2013 с. 13–14].

При исследовании морфологического облика стенок раскопа в 2014 г. А.А. Гольевой были замечены четко выраженные следы корней древесных и травянистых растений.

На восточной стенке раскопа хорошо видна сплошная линия корней и червоходов, идущая вниз из слоя прокала на глубине 70 см от поверхности. Возможно, здесь было какое-то углубление (яма), в котором сжигалась древесина. Корни растений (трав)

пронизывают темный горизонт, где горели деревья и нижележащий слой почвы.

В этом же раскопе заметно вытянутое конусовидное образование белесого цвета, направленное вниз сужающимся концом. Оно имеет значительную протяженность (не менее 25–35 см), внутреннее заполнение однородное, белесое, по краям имеется хорошо выраженная тонкая каемка из уплотненного темно-бурого материала. Все эти признаки характерны для корневой системы сосны. След корня заканчивается в верхней части на той же глубине, где в восточной стенке проходит горелый слой. Это говорит о том, что дерево росло до образования горелого слоя. Помимо корней сосны фиксируются сходные крупные конусовидные образования, но с серовато-бурым заполнением и без охристой каймы вокруг заполнения. Эти формы являются следами корней лиственных деревьев.

Верхний слой почвы стенок раскопа имеет максимальную интенсивность серой окраски, однороден с ровной линейной нижней границей. Это типично для пахотных горизонтов почв.

Можно с высокой долей вероятности реконструировать последовательность развития растительных сообществ. Исходно на участке рос смешанный лес, в составе которого были сосны и березы. Так как встречается большое количество фитоцитов степных злаков, лес был разрежен. Выявлен участок, где располагалась яма, в которой сжигалась древесина. После сведения леса, место исследования заросло травами, сформировался дерновый горизонт. Впоследствии территория распахивалась, в результате чего сформировался хорошо выраженный пахотный горизонт.

Список литературы

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Ситников С.М., Семибратов В.П., Соломонова М.Ю., Сперанская Н.Ю. Археоботанические и фитоцитные исследования на поселении Новоильинка-3 (Северная Кулунда) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. – 2013. – №4(24). – С. 10–14.

**ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
КАМЕННОГО МАТЕРИАЛА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА – РАННЕЙ БРОНЗЫ
ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА
ТУЗОВСКИЕ БУГРЫ-1**

К.Ю. Кирюшин¹, С.Г. Платонова²

¹ *Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

² *Институт водных и экологических проблем,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Грунтовый могильник Тузовские Бугры-1 расположен в Калманском районе Алтайского края. В 2000 г. М.Т. Абдулганеевым на памятнике был заложен раскоп площадью 174 кв. м и исследованы 37 погребений. Из них 18 относятся к эпохе энеолита, одно – к ранней бронзе и остальные – к раннему железному веку [Кирюшин и др., 2012]. Каменный материал из погребений эпохи энеолита и ранней бронзы могильника Тузовские Бугры-1 можно условно рассматривать в двух группах (распределение каменного материала по захоронениям представлено в таблице 1).

Таблица 1

Распределение горных пород
по погребениям грунтового могильника Тузовские Бугры-1

Петрографический состав	Количество образцов по объектам										Итого:
	М. 35	М. 33	М. 31	М. 27	М. 24	М. 14	М. 12	М. 8	Яма 7	Квадрат В 4/3	
Микрокварциты	17							1			18
Аргиллиты кремнистые бордовые	1		5	1							7

Петрографический состав	Количество образцов по объектам										Итого:
	М. 35	М. 33	М. 31	М. 27	М. 24	М. 14	М. 12	М. 8	Яма 7	Квадрат В 4/3	
Аргиллиты и алевролиты кремнистые зеленовато-темно-серые	6								2		8
Песчаники (и туфопесчаники), глинистые темно-серые			1	1							2
Алевролиты глинистые темно-серые	2		2								4
Аргиллиты глинистые темно-серые						2					2
Песчаники известковистые	3										3
Серицит-кварцевые сланцы					1		1			1	3
Андезитовые порфириты	1										1
Фельзиты (риолитовые порфиры)			1							1	2
Мраморизованные сланцы		1									1
Итого:	30	1	9	2	1	2	1	1	2	2	51

В первой группе (33 обр.) преобладают образцы, взятые из коренных скальных выходов или из отложений делювиально-пролювиального шлейфа (микрокварциты, аргиллиты кремнистые, аргиллиты и алевролиты, андезитовые порфириты, фельзиты). Часть материала обнаруживает аллювиальное происхождение, о чем свидетельствуют следы водной обработки на отдельных поверхностях. Для этой группы характерно относительно высокая степень сортировки (человеком) материала: ис-

пользование преимущественно твердых микрокварцитов (55%) или близких к ним по физико-механическим свойствам кремнистых разновидностей терригенных аргиллитов и алевролитов (36%), а также вулканических (андезитовые порфириды и фельзиты) (6%) пород. Отмечен лишь один образец (3%) глинистого алевролита. Весь каменный материал широко встречается на прилегающих горных территориях и предгорьях Алтая и Салаира.

Ко второй группе отнесены образцы (18 обр.), представленные крупными аллювиальными обломками (преобладают средние и крупные гальки) разной степени окатанности, взятые из террас и русел рек (песчаники полимиктовые и туфопесчаники, глинистые и кремнистые алевролиты и аргиллиты темно-серого цвета, серицит-кварцевые сланцы, фельзит, мраморизованные сланцы).

В целом, визуальный анализ показал, что петрографический состав крупных образцов несколько отличается от таковых предыдущей группы. Среди каменного материала наибольшее использование имеют терригенные осадочные породы (глинистые алевролиты и аргиллиты, песчаники – 56%, кремнистые алевролиты и аргиллиты – 17%), в подчиненном количестве метаморфические серицит-кварцевые породы из зон гидротермальной обработки (17%), единичные образцы мраморизованных сланцев (5%) и фельзита (5%). Крупный каменный материал совершенно очевидно имеет «местный» или «близкого привноса» характер с прилегающих горных территорий и предгорий Алтая и Салаира, поскольку отсутствует его сортировка, и в обработку вовлечен не самый лучший каменный материал с точки зрения его физико-механических и потребительских свойств. Например, отсутствуют микрокварциты, преобладают мягкие глинистые и известковистые (мраморизованные) разновидности осадочных пород, часто значительно выветрелые. Во-вторых, широко использован аллювиальный материал, распространение которого выходит за пределы гор.

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Абдулганеев М.Т. Зубы животных в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Алтая в III тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – №3. – С. 59–66.

ПОЧВЕННЫЕ И МИКРОБИОМОРФНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ НОВОИЛЬИНКА-VI В 2014 Г.

*К.Ю. Кирюшин, М.М. Силантьева,
М.Ю. Соломонова, Н.Ю. Сперанская
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Энеолитическое поселение Новоильинка-VI расположено в Хабаровском районе Алтайского края. Археологический материал поселения датируется рубежом IV–III тыс. до н.э. и имеет много общего с материалами поселения эпохи энеолита Новоильинка-III, расположенном на расстоянии 300 м от места исследования [Кирюшин, 2013, с. 204].

В настоящий момент получены результаты фитолитного анализа одного почвенного профиля мощностью 70 см. На глубине примерно 35 см фиксируются останки костей лошади. Эту глубину мы принимаем за древнюю поверхность, чтобы описать ее фитолиты детальнее, пробы от поверхности почвы до 50 см были отобраны с интервалом 5 см, глубже были взяты 2 пробы с интервалом 10 см.

В фитолитном профиле можно выделить три качественно различных участка (рис. 1).

I – участок почвенного профиля от 35 до 70 см характеризует почвенный профиль на момент формирования памятника. Доминируют палочки (в основном ровные и гладкие), что указывает на относительное разнообразие двудольных растений. Незначительное количество перфорированных форм (фитолиты хвойных) не позволяет судить о наличии лесных сообществ на территории в момент формирования этого слоя профиля. В настоящее время в непосредственной близости к археологическому объекту

есть участки послелесных лугов, что является доказательством возможности развития здесь лесных сообществ в прошлом. Похожая ситуация наблюдается и для памятника Новоильинка-III, который хронологически близок к исследуемому объекту [Кирушин, 2013, с. 13–14].

Рис. 1. Фитолитный профиль памятника Новоильинка-VI

II – участок почвенного профиля от 20 до 35 см характеризуется резким возрастанием количества фитолитов степных злаков, снижением доли прочих форм. Также возрастает роль волнистых пластинок, может указывать на присутствие видов *Koeleria* или *Agropyron*. Большинство видов этих родов для местной флоры также являются степными. Резкое остепнение территории первоначально могло быть связано с деятельностью человека, в том числе и в эпоху энеолита. Однако, значительная глубина слоя со столь выраженным доминированием фитолитов ксерофитных видов может указывать на климатические или гидрологические изменения, или на использование территории под выпас в более позднее историческое время.

III – участок почвенного профиля на глубине 0–20 см характеризуется незначительным олуговением. Снижается доля степных фитолитов и увеличивается доля палочек. Последнее, возможно, связано с увеличением доли разнотравья в фитоценозе.

Таким образом, прослеживается определенная смена растительных сообществ на месте исследования от луговых (возможно лесных) до степных.

Список литературы

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 202–206.

**МАТЕРИАЛЫ I ТЫС. ДО Н.Э.
МОГИЛЬНИКА ТУЗОВСКИЕ БУГРЫ-I
(по результатам исследований 2014 года)**

К.Ю. Кирюшин, Я.В. Фролов

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Грунтовый могильник Тузовские Бугры I расположен в Калманском районе Алтайского края. В 2000 г. М.Т. Абдулганеевым на памятнике был заложен раскоп площадью 174 кв. м и исследованы 37 погребений, из них 18 относятся к раннему железному веку.

В 2014 г. археологические исследования на могильнике Тузовские Бугры I были продолжены. Обнаружены четыре захоронения, два из которых относятся к эпохе раннего железа, а два к более раннему времени (к эпохе энеолита или к неолиту).

Погребения эпохи раннего железа – это могилы №40 и 41. Захоронения совершены в ямах подпрямоугольной формы. Их размеры в плане 1,8x1,0 м (м. 40) и 2,0x0,8 м (м. 41), глубина от современной дневной поверхности 1,15 м (м. 40) и 1,05 м (м. 41). Стенки вертикальные. Погребенные уложены вытянуто на спине, ориентированы головой на запад (м. 40) и на юго-запад (м. 41). В могиле 41 умерший захоронен в «позе всадника» (рис. 1.-4). В захоронении 40 находок нет. В могиле 41 из инвентаря в районе груди справа обнаружена костяная бляха-застежка (рис. 1.-1, 4). В области таза с правой стороны найден, костяной колчаный крюк (рис. 1.-2, 4) и рядом с ним два астрагала барана, без следов обработки, и зашлифованный с торца фрагмент эпифиза кости животного (рис. 1.-3, 4).

Материалы из захоронений раннего железного века, раскопанных в 2014 г., вписываются в комплекс захоронений ранее раскопанных на могильнике и демонстрируют погребальный обряд,

характерный для могильников «классической» стадии развития староалейской культуры. Изученные в 2014 г. погребения могут быть датированы, как и основной комплекс захоронений, в рамках VI–IV вв. до н.э.

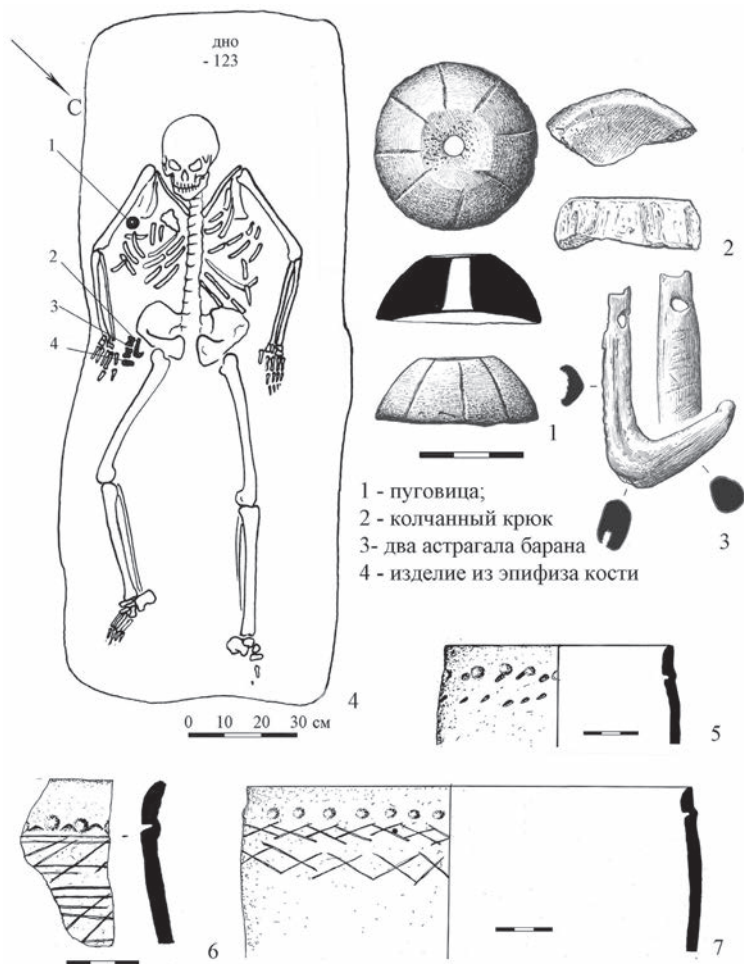

Рис. 1. Могильник Тузовские Бугры I.

Материалы 1-й половины I тыс. до н.э. Раскопки 2014 г.:

- 1 – пуговица-застежка, м. 41; 2 – изделие из эпифиза кости, м. 41;
3 – колчаный крюк, м. 41; 4 – план могилы №41; 5–7 – керамика
из культурного слоя памятника (1–3 – кость; 5–7 – керамика)

Отдельные находки керамики переходного времени от эпохи бронзы к эпохе раннего железа и скифскому времени встречены по всей площади раскопа. Это плоскодонная тонкостенная закрытая банка средних размеров. Округлый край венчика слегка отогнут наружу. Орнамент представлен одним рядом мелкого жемчужника и широким бордюром, заполненным двумя рядами сетки (рис. 1.-7). Остальные фрагменты керамики происходят от сосудов похожих форм – закрытых банок, чашек, с прямым или слегка отогнутым венчиком. В подавляющем большинстве случаев край венчика этих сосудов округлый. Орнамент представлен рядом жемчужника с разделениями и без. Наиболее часто используемый вариант разделений – отпечатки уголка лопаточки (рис. 1.-6). Из других элементов орнамента следует отметить узкие ряды сетки. В целом, керамический комплекс характерен для переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, близок к ближнеелбанскому типу керамики, а также имеет некоторое сходство с бийским.

Керамика скифского времени представлена отдельными фрагментами керамики от баночных сосудов, украшенных в подавляющем числе случаев рядом жемчужника с разделителем, проходящим по краю венчика, часто в сочетании с рядом наколов, выполненным орнаментами разного типа (рис. 1.-5).

В целом, погребальные и поселенческие материалы I тыс. до н.э., полученные в ходе раскопок могильника Тузовские Бугры I в 2014 г., демонстрируют близкое сходство с изученными ранее комплексами этого периода. Проведенные в 2014 г. работы доказывают, что могильное поле на памятнике изучено далеко не полностью и дальнейшие работы на этом могильнике имеют большие перспективы.

ФЕНОМЕН «БУРЛИНСКОГО ТИПА ПАМЯТНИКОВ»

Ю.Ф. Кирюшин^{1,2}, Д.В. Папин^{1,2}, А.С. Федорук¹, А.А. Редников¹

¹ *Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия;*

² *Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Обнаружение и исследование в 1980-е гг. В.С. Удодовым поселений Бурла-III, Кайгородка-III и Гридино в Северной Кулунде поставили перед исследователями эпохи развитой и поздней бронзы региона вопрос о феномене «бурлинского типа памятников». Материалы данных поселений резко выделялись на фоне одновременных комплексов высоким процентом бегазы-дандыбаевской посуды и керамики изготовленной на гончарном круге, иным составом стада и пр. Объясняя факт существования таких комплексов в регионе, В.С. Удодов не исключал возможность проникновения сюда отдельных групп земледельческого среднеазиатского населения [Удодов, 1988, с. 109; 1994]. Продолжение изучения поселения Бурла-III в 2013–2014 гг. [Кирюшин, Папин, Федорук и др., 2013; Папин, Федорук, Черных, и др., 2014] позволило дополнить имеющиеся материалы новыми данными, в целом подтверждающими правильность гипотезы В.С. Удодова.

В результате исследования поселения за два полевых сезона полностью раскопано одно двухкамерное жилище полуземляночной конструкции, часть камеры второго жилища и объекта, предположительно, связанного с керамическим производством. В обнаруженной при раскопках керамической коллекции количественно преобладает станковая посуда, аналогичная керамике культуры Намазга VI. Аналогии вещевому инвентарю указывают на раннюю, в пределах эпохи поздней бронзы, хронологическую позицию памятника (чему не противоречат радиоуглеродные даты, полученные по углю со дна первой камеры жилища). Об-

наружение более 10 фрагментов глиняных изделий, интерпретируемых в литературе как «конусовидные подставки», напрямую указывают на культуру Намазга VI [Массон, 1959]. Обилие шлака в слое памятника, обнаружение многочисленных бронзовых сплесков, фрагментов аурита, около 10 каменных орудий типа «лощильца» (интерпретируемых исследователями как орудия для послелитейной доводки бронзовых изделий [Кунгурова, Удодов, 1997]), свидетельствует о существовании местного бронзолитейного производства на поселении.

Таким образом, результаты изучения памятника позволяют достаточно уверенно утверждать, что на раннем этапе позднего бронзового века имело место прямое проникновение в Северную Кулунду из региона Средней Азии группы населения обладавшей навыками изготовления станковой посуды. Оценка роли и значения данной группы в жизни региона, выяснение ее исторической судьбы, является одним из перспективных направлений дальнейших исследований.

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А., Федорук О.А. Проблема изучения «бурлинского типа» памятников эпохи поздней бронзы на территории степного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XVII. – С. 212–215.

Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С. Орудия металлообработки эпохи бронзы // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – С. 76–79.

Папин Д.В., Федорук А.С., Черных Д.В., Бирюков Р.Ю. Предварительные результаты электромагнитного изучения поселения Бурла 3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – Вып. XX. – С. 162–164.

Удодов В.С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1988. – С. 107–110.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 21 с.

СОБРАНИЕ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ЖИВОТНЫХ В МУЗЕЕ АРХЕОЛОГИИ ЭТНОГРАФИИ АЛТАЯ АЛТГУ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

М.Ю. Клименко

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

На данный момент в Алтайском государственном университете (АлтГУ) имеются крупные коллекции костей животных, полученные главным образом в ходе раскопок различных археологических памятников на территории Алтайского края и Республики Алтай. Поступили такие находки и из других регионов Сибири. Все они хранятся в фондах Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ.

Начало формированию остеологического собрания положил В.А. Посредников в 1976 г., открыв памятники афанасьевской культуры вблизи с. Ело в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области (ныне – Республика Алтай). Работы там продолжались до 1980 г. Остеологический материал представлен небольшим количеством костей крупных рогатых животных.

Существенный объем интересующих нас находок был получен в ходе проведения исследований под руководством Ю.Ф. Кирюшина с 1978 г. Эти материалы обрабатывались и вводились в научный оборот с привлечением специалистов-зоологов. Формированием сравнительной остеологической коллекции занимался А.В. Гальченко. Однако к середине 1990-х гг. этот процесс приостановился.

С середины 1980-х гг. коллекции пополнялись за счет проведения масштабных исследований в зоне предполагаемого строительства Катунской ГЭС. Существенный материал был

накоплен в ходе работы Кулундинской экспедиции под руководством А.Б. Шамшина. Основная часть остеологии происходит из памятников Рублевского археологического микрорайона и других комплексов Верхнего Приобья.

Значительный объем костей получен при раскопках поселения Березовая Лука и курганных могильников Алейского района Алтайского края. Эти исследования проводились под руководством А.А. Тишкина. Имеющиеся материалы (кости домашних и диких животных) описал к.б.н. П.А. Косинцев. Они частично введены в научный оборот [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011; и др.].

Целенаправленная работа по формированию собрания костных останков древних и средневековых лошадей была специально предпринята А.А. Тишкиным. В результате в фонды поступили целые скелеты коней или их части из курганов разных археологических культур. Эти материалы послужили основой для создания электронной базы данных (авторы – Я.Е. Лукерина и А.А. Тишкин).

Не менее значимая остеологическая коллекция происходит из раскопок памятника Царам в Бурятии (Забайкальская экспедиция ИИМК РАН, руководитель – к.и.н. С.С. Миняев). Из имеющихся находок идентифицированы кости лошадей, к.р.с., м.р.с. и представителей дикой фауны. С территории Читинской области поступили материалы, полученные в ходе археологических работ под руководством к.и.н. Е.В. Ковычева.

Сотрудники АлтГУ продолжают исследования на памятниках Алтайского края (Колыванское-1, Новоильинка-6, Бурла и др.). Имеющиеся и полученные находки требуют к себе особенного внимания. Остеология является важнейшим источником информации о хозяйстве древнего и средневекового населения региона. По особенностям строения скелета животного можно судить о его использовании, а также об экологической обстановке в целом. Являясь органическим объектом, кости позволяют проводить ряд соответствующих анализов, в том числе радиоуглеродный. Остеологический материал содержит в себе часть генетической информации. Расшифровка генетического кода и сравнение его

с современными данными позволяет установить происхождение каждого вида животных, его развитие, domestикацию, уровень селекции и т.д. Можно определить места происхождения разных пород домашних животных. Важно иметь объективные представления о становлении производящего хозяйства в разных регионах планеты.

Неотъемлемой частью исследований является систематизация накопленных материалов. Имеется потребность в создании каталогов и баз данных остеологических коллекций, в которых будут отражены все имеющиеся находки из фонда Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Систематический подход в хранении позволяет использовать их в дальнейших изысканиях. Материал может быть задействован в подготовке экспозиций, а также в учебных целях.

Исследования остеологических данных дают возможность составить полноценную картину процессов, происходивших в древности и средневековье. Появляется возможность реконструкции хозяйства в разные эпохи истории человечества. Изучение костных остатков позволяет выявить тенденции становления скотоводства на Алтае и в Западной Сибири.

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Т. II. – 171 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Т. I. – 288 с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЦИИ СОСУДОВ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Л.С. Кобелева

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В орнаментике керамики саргатской культуры преобладает достаточно устойчивый набор орнаментальных мотивов, подробно описанный в литературе [Полосьмак, 1987; Корякова, 1988; Матвеева, 1993]. Сосуды декорировались горизонтальными и вертикальными «елочкой», зигзагом, различными насечками и вдавливаниями (семечковидными, подтреугольными), ямками, жемчужинами, «защипами», свисающими треугольниками различной конфигурации, горизонтальными линиями в области шейки. Практически все черты орнаментального комплекса саргатцев известны в предшествующее время в орнаментике различных культур позднебронзового времени (сузгунской, поздней ирменской, бархатовской). Нетипичные элементы (уточка, волнистая линия и т.п.) появляются единично, как правило, из-за взаимодействия с северными соседями.

Детальный анализ керамики с территории Барабинской лесостепи, Притоболья и Прииртышья позволил выявить некоторые закономерности изображения орнаментальной композиции.

Определен «зональный канон» нанесения того или иного художественного мотива. Например, «елочку» и зигзаг, как правило, наносили только по горловине, иногда спуская на плечики. Свисающими треугольниками декорировались плечики сосудов, а придонную часть и дно покрывали семечковидными хаотичными вдавлениями. Если вдавления или насечки использовали

в орнаменте тулова или горловины, то в большинстве случаев их выстраивали в горизонтальные ряды (Омь-1, Чича-1, Коловское городище). Горизонтальные линии располагались в области перехода горловины к плечикам.

Прослежена определенная зависимость выбора орнаментальных мотивов от формы сосуда. Свисающие треугольники использовались для декорирования узкогорлых или среднегорлых горшков со средней или высокой горловиной и выпуклыми или слабовыпуклыми плечиками. Сосуды с низкой слабопрофилированной или наклоненной внутрь широкой горловиной орнаментировались таким образом только на раннем этапе (Туруновка-4, Ложка-4). Сосуды с яйцевидной придонной частью и низкой слабопрофилированной или наклоненной внутрь горловиной могли полностью покрываться подтреугольными вдавлениями, в верхней части сосуда выстроенными упорядоченно, а в нижней – хаотично. Видимо, такой орнамент не характерен для других форм посуды и встречается на них очень редко (например, сосуд из курганного могильника Марково-1). Дно у плоскодонных сосудов, как правило, полностью орнаментировалось вдавлениями или насечками по кругу.

Проведенный анализ позволил выявить количественные характеристики того или иного мотива на различных памятниках Восточного ареала, Прииртышья, Притоболья и тем самым – уточнить хронологические и территориальные различия их использования. Зафиксировать новые модификации орнаментальных мотивов, возникшие в процессе взаимодействия с пришлыми группами населения.

Список литературы

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: саргатская культура. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. – 241 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993б. – 175 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

НОВЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ ПЕЩЕРЫ СТРАШНАЯ (2013–2014 гг.)

А.И. Кривошапкин, К.К. Павленок, С.В. Шнайдер, Г.Д. Павленок

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В полевых сезонах 2013–2014 гг. Чарышским отрядом ИАЭТ СО РАН были возобновлены археологические исследования пещеры Страшная в Краснощековском районе Алтайского края. Пещера расположена в пределах северо-западного Алтая в среднем течении р. Иня (бассейн р. Чарыш), ниже впадения в нее р. Тигирек, в 25 км на юг от с. Чинета и в 3-х км на север от д. Тигирек.

Как археологический объект пещера Страшная известна с 1966 г. Первые исследования памятника проводились Н.Д. Оводовым в 1969–1970 гг. В ходе этих работ был накоплен обширный археологический и фаунистический материал. В 1989–1994 гг. было предпринято предварительное изучение пещерных осадков и археологического материала, в результате чего была установлена четкая дифференциация артефактов в соответствии с культурными горизонтами и выделены верхнепалеолитические и мустьерские комплексы [Деревянко, Зенин, 1995; Зенин 1994]. Археологические работы на памятнике были продолжены в 2006–2009 гг. При их проведении были получены уникальные данные по фауне неоплейстоцена; проведен петрографический анализ сырья, использовавшегося при изготовлении каменных артефактов; получена яркая в типологическом отношении коллекция каменных артефактов [Зенин, 2010].

Основной задачей исследований 2013–2014 гг. было уточнение условий залегания археологических и фаунистических материалов в отложениях плейстоценового возраста, относящихся к

первому – пятому литологическим слоям, связанных с периодом перехода от среднего к верхнему палеолиту.

В результате работ были получены дополнительные коллекции каменных артефактов из культурных слоев 1–5. Техно-типологический облик комплексов и полученные ранее определения археологического возраста [Кривошапкин, Зенин, Васильев и др., 2013] позволили заключить, что индустрии культурных слоев 1 и 2 связаны с бронзовым веком и более поздними периодами заселения пещеры. В культурных слоях 3_{1а}, 3_{1б} и 3₃, (учитывая также материалы предыдущих лет исследований) по всей видимости, представлены три эпизода заселения пещеры, связанные с различными культурно-хронологическими этапами верхнего палеолита региона. Слои 4–5 содержат культурные остатки, принадлежащие финалу среднего – началу верхнего палеолита.

Учитывая количество и состав археологического материала, а также характеристики фаунистической коллекции, можно сделать вывод, что палеолитический человек появлялся в Страшной пещере лишь эпизодически, возможно, лишь в определенные сезоны. Большую же часть времени пещера использовалась в качестве убежища или логова для выведения потомства пещерными гиенами, волками и лисицами.

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Верхнепалеолитические комплексы пещеры Страшная // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 24 – 26.

Зенин А.Н. Многослойный палеолитический памятник в пещере Страшная (Западный Алтай) специфические элементы процесса осадконакопления // Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: Тезисы докладов. – М., 1994. – С. 96.

Зенин А.Н. Археологические исследования в пещере Страшная в 2009 году. – Новосибирск, 2010 (рукопись).

Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Васильев С.К., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 94–99.

ПЕТРОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

Н.А. Кулик¹, М.В. Шуньков^{1,2}, М.Б. Козликин^{1,2}

*¹ Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия*

*² Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В течение последних лет комплексное изучение рыхлых отложений в Денисовой пещере ведется в восточной галерее. Слои 15–12 содержали артефакты среднепалеолитического облика. Слои 11 и 9 характеризуются индустриями начальной и заключительной стадий верхнего палеолита соответственно. Важным аспектом комплексного изучения каменных индустрий является их петрографическая характеристика. Для анализа каменного сырья была произведена репрезентативная выборка из 615 предметов, представляющих нуклеусы и орудия из всех культуросодержащих слоев разреза. Наличие на многих изделиях участков галечной корки свидетельствует, что каменным сырьем являлся местный галечный материал из русла р. Ануй.

В индустриях из разных стратиграфических подразделений разреза восточной галереи использовались одни и те же породы, главным образом осадочные и эффузивные. Преобладают осадочные породы – из них изготовлено 419 артефактов, что составляет 68,1% от всей выборки. Артефакты из эффузивов и дайковых пород составляют 28,5%. Иные породы использованы всего в 3,6% случаев.

Осадочные породы представлены, главным образом, песчаниками, алевrolитами и их разновидностями – песчанистыми

алевролитами и алевролитопесчаниками. По всему разрезу отчетливо прослеживается преимущественное использование мелкозернистых и тонкозернистых разностей.

Магматические породы диагностированы для 178 артефактов. Из них 166 экз. изготовлены из эффузивных пород, 9 экз. относятся к дайковым порфиритам и 3 экз. – к мелкозернистым гранитоидам. Изделия из афировых и порфировых разностей эффузивных пород составляют 35,5% и 64,5% соответственно. К эффузивным разновидностям близки хорошо известные среди галечного сырья долины Ануя породы дайкового комплекса. В коллекции из восточной галереи к ним относятся девять артефактов из плагиоклазовых и диабазовых порфиритов.

Три артефакта мелкого размера изготовлены из мелкозернистого олигомиктового песчаника и одно изделие – из жильного кварца. В верхней части разреза, в пределах литологических слоев 9 и 11 обнаружено 12 изделий из яшмоидов.

Петрографический анализ каменных изделий из восточной галереи показал, что для них, как и для индустрий из центрального зала и с предвходовой площадки пещеры, характерно местное каменное сырье из руслового галечника долины р. Ануй.

КОМПЛЕКС БОЕВЫХ СРЕДСТВ БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О.С. Лихачева

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Вооружение большереченской культуры разнообразно и включает средства защиты и нападения, что дает возможности для реконструкции некоторых аспектов военного дела ее носителей [Лихачева, 2013, с. 175–180]. Весь комплекс насчитывает две панцирные пластины, 44 наконечника стрел, два наконечника дротика, три наконечника копья, три топора, пять кельтов, два чекана и семь кинжалов.

По материалам могильников и поселений можно выделить две группы памятников. К более ранним относятся комплексы, нижняя дата которых включает VIII в. до н.э. Это поселения Боровое-III и Мыльниково [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 8; Папин, Шамшин, 2005, с. 54]. Предметы вооружения в них представлены наконечниками стрел и кельтом. Первые изготовлены из бронзы, со втульчатым насадом. Втулка встречается как выделенная, так и скрытая. Сечение пера двухлопастное или ромбическое, абрис – листовидный, ассиметрично-ромбический, ромбический либо треугольный. Кельт – бронзовый, симметричный в продольном сечении, со скрытой втулкой, двумя ушками и прямоугольным клинком.

Следующая группа памятников включает могильники Ближние Елбаны-VII, XIV и поселение Ближние Елбаны-I [Грязнов, 1956, с. 70–71]. Предметы вооружения в них представлены панцирными пластинами, наконечниками стрел и наконечниками копий. Панцирные пластины изготовлены из кости (рога), по способу бронирования они относятся к ламеллярным, по располо-

жению в составе панциря – к вертикальным. Изделия с угловыми и срединными отверстиями прямоугольного абриса. Наконечники стрел изготовлены из бронзы, втульчатого способа насада, со скрытой или выделенной втулкой, ассиметрично-ромбического или ромбического абриса. У некоторых экземпляров есть шип на втулке. Копья бронзовые, втульчатого способа насада, сечение пера двухлопастное или ромбическое, абрис его листовидный или вытянутолистовидный, у некоторых имеются доли. Вооружение, встреченное в могильниках, представлено двумя комплектами. Более полный включает наконечник стрелы и наконечник копья, другой представлен только наконечником копья.

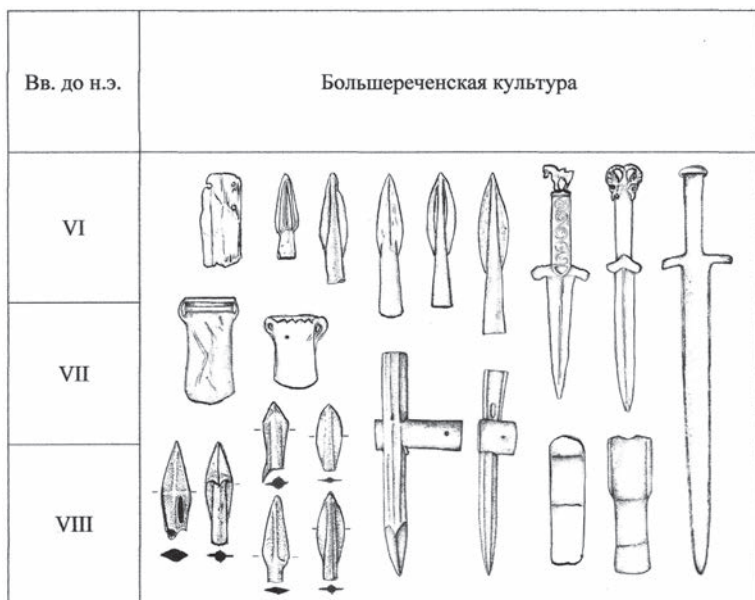

Рис. 1. Комплекс вооружения большереченской культуры

Среди случайных находок из ареала большереченской культуры есть наконечники стрел и дротиков, кинжалы, топоры, кельты и чеканы.

Судя по наиболее распространенным видам вооружения, ведущую роль в тактике племен большереченской культуры играл бой на дальней и средней дистанции. В тоже время определен-

ное значение имел, по всей вероятности, ближний и рукопашный бой, на что указывает наличие в комплексе клинкового и древкового оружия. Войско носителей большереченской культуры составляли, видимо, легковооруженные пешие воины. Их комплект включал лук со стрелами, а также мог дополняться копьем и дротиками. Задачей их являлся обстрел противника на дальней дистанции. С VII в. до н.э. отдельные воины, видимо, использовали доспех. Это были костяные панцири типа «кираса», ламеллярной структуры бронирования [Лихачева, Тишкин, 2013, рис. 1]. С этого же периода, по всей вероятности, более часто начинает практиковаться средний и ближний бой.

Список литературы

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л., 1956.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. – Бийск, 1992.

Лихачева О.С. Комплекс вооружения большереченской культуры // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – №4/1.

Лихачева О.С., Тишкин А.А. Реконструкция воина большереченской культуры // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – Барнаул, 2013. – Вып. 10.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. – Барнаул, 2005.

ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ОТЛОЖЕНИЙ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ В 2014 Г.

С.В. Маркин, С.А. Гладышев

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Одной из ключевых проблем современного палеолитоведения Южной Сибири является определение пространственно-временных границ сибирячихинского среднепалеолитического варианта, представленного технокомплексами из многослойных пещер Окладникова и Чагырская.

Исследования Чагырской пещеры в 2014 г. затронули пристыевую часть центрального зала. Здесь отмечается плохая сохранность плейстоценовых пород, представленных разорванными линзами, протяженность которых определяется конфигурацией боковых сводов, асимметричностью дна пещеры и факторами, связанными с мерзлотными процессами и денудацией рыхлых осадков. Из суглинистых образований слоев ба, бб, бв/2 происходят индустрии, основанные на местных породах руслового аллювия р. Чарыш. Наборы каменных артефактов, ориентированные на развитие мустьерских черт, представлены разнообразными скреблами. Это простые одинарные продольные и поперечные формы, двойные конвергентные и дивергентные, диагональные и др. Реже встречаются остроконечники, зубчато-выемчатые изделия. Характерной особенностью индустрий являются представительные наборы угловатых орудий, включая обушковые разновидности.

Остатки мегафауны представлены видами, адаптированными к степным, лесостепным и скальным местам обитания [Васи-

льев, 2013]. Это носорог, мелкая и кобаллоидная лошадь, бизон, северный и благородный олень, сибирский горный козел, архар и др. Состав крупных животных позволяет реконструировать в период обитания здесь человека господство открытых степных ландшафтов. Среди мелких млекопитающих выделяются останки обского лемминга и желтой пеструшки, которые являлись типичными элементами перигляциальной фауны Евразии, и соответствовали периодам наибольшего похолодания или оледенения.

По результатам палеомагнитных исследований осадки пещерной толщи находятся в хроне Брюнес. По полученным радиоуглеродным датам в AMS лаборатории в Mannheim (Curt-Engelhorn-Centrefor Archaeometry) возраст осадков >49000 и 52000 л.н.

Анализ каменного инвентаря из шести слоев пещеры наряду с индустриями из пещеры Окладникова [Деревянко, Маркин, 1992] допускает выделение сибирячихинской разновидности регионального среднего палеолита [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013]. Носителями культуры данного варианта являются представители одной видовой среды. Из обеих пещер происходят останки, относящиеся к неандертальскому антропологическому типу [Медникова, 2011, 2013; Viola, Markin, Zenin, et al., 2011; Viola, Markin, et al., 2012; Бужилова, 2013]. Эти материалы сопоставимы с мустьерскими индустриями Восточного Средиземноморья, Центральной и юга Восточной Европы.

Список литературы

Бужилова А.П. Одонтологические материалы из среднепалеолитических слоев алтайских пещер // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – №1 (53). – С. 55–65.

Васильев С.К. Фауна крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай) по материалам раскопок 2007–2011 годов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – №1 (53). – С. 28–44.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – №1 (53). – С. 89–103.

Медникова М.Б. Локтевая кость представителя рода *Homo* из Чагырской пещеры на Алтае (морфология и таксономия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – №1 (53). – С. 66–78.

Медникова М.Б. Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода *Homo* из пещеры Окладникова на Алтае. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 128 с.

Viola B., Markin S.V., Zenin A., Shunkov M.V., Derevianko A.P. Late Pleistocene hominis from the Altai mountains, Russia // Characteristic Features of the Middle Paleolithic Transition in Eurasia. – Novosibirsk: Publishing Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2011. – P. 207–213.

Viola B.Th., Markin S.V., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Dobrovolskaya M.V., Le Cabec A., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublen J.-J. New Neanderthal remains from Chagyrskaya Cave (Altai Mountains, Russian Federation) // American Journal of Physical Anthropology. – 2012. – Vol. 147. – Suppl. 54. – P. 293–294.

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ, ОБЪЕДИНЕННЫХ ОБЩИМ НАЗВАНИЕМ ТАРТАС-1: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.И. Молодин

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Комплекс памятников, объединенных общим названием Тартас-1, расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл., на мысу второй террасы правого берега р. Тартас, примерно в километре от места его впадения в р. Омь. Открыт О.В. Софеевым при проведении охранно-изыскательных работ [Молодин, Софеев, Дейч и др., 2003].

Исследуется под руководством автора на протяжении 11 полевых сезонов. Раскопкам предшествовал геофизический мониторинг, который неоднократно повторялся и расширялся. Получаемая научная информация постоянно вводится в научный оборот, опубликовано уже десятки статей, в том числе в рейтинговых журналах. Поскольку изучение памятника ведется сплошными площадями, в поле нашего зрения попадают абсолютно все объекты, связанные не только с погребальными, но и поселенческими и ритуальными комплексами. На сегодняшний день вскрытая площадь составляет около 18 тыс. кв. м. Изучены 610 захоронений, 926 ям и рвов, имеющих ритуальное значение, а также более десяти одиночных и пахомовских конструкций, относящихся, вероятно, к ритуальным памятникам (часть сооружений пока не идентифицирована).

Наиболее древними на некрополе являются остатки неолитических стоянок, расположенных на самом краю северной части террасы. Судя по керамике, материалы можно относить к артыньскому типу [Бобров, Марочкин, 2011].

Самые древние погребальные комплексы представлены четырьмя захоронениями усть-тартасской культуры. Выявлены два могильника одиновской культуры, содержащих соответственно 13 и 14 захоронений. Особый интерес представляют ритуальные сооружения этой культуры, содержащие полуземляночные конструкции с обилием предметов бронзолитейного производства и раздавленных сосудов.

Одно захоронение относится к кротовской культуре. Значительный массив погребений, состоящий из 121 комплекса, относится к позднекротовской (черноозерской) культуре. 291 захоронение принадлежит андроновской (федоровской) культуре. К завершающей поре бронзового века относятся два ирменских захоронения и два погребальных комплекса пахомовской культуры. К пахомовской культуре (восточный вариант) относится грандиозный комплекс сооружений, исследованный на сегодняшний день на площади, приблизительно в 1000 кв. м. Выявлена серия построек, часть из которых содержит предметы из бронзы, а также остатки бронзолитейного производства.

К эпохе раннего железа принадлежит своеобразный архитектурный ансамбль с центральным захоронением лошади и погребениями большереченской культуры [Молодин, Соловьев, Кобелева и др., 2012]. По-видимому, полностью исследован могильник древнетюркского времени. Всего обнаружено шесть погребений. К первому же тысячелетию относятся несколько крупных ям, возможно, временных жилых сооружений, локализованных на северной оконечности террасы. Наконец, на противоположной ее части, выявлены два погребения кыштовской культуры периода позднего средневековья.

К числу особо значимых открытий, сделанных на памятнике Тартас-1, можно отнести находку бронзового идола кротовской культуры [Молодин, Хансен, Мыльникова и др., 2011], одиновское погребение № 487 с сейминско-турбинским кельтом [Молодин, 2013], стратиграфическое напластование захоронений усть-тартасской, одиновской, кротовской, позднекротовской (черноозерской) культур, позволяющих подтвердить схему культурно-исторического развития в регионе в эпоху бронзы [Молодин, Мыльникова, Новикова и др., 2011] и т.д.

Геофизический мониторинг памятника позволяет уверенно говорить о том, что на сегодняшний день раскопками изучено около

половины площади памятника, что и определяет главную задачу, стоящую перед нами. Важнейшей проблемой является также оперативное введение в научный оборот важнейших научных результатов.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Труды III(XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород: ИА РАН, 2011. – Т. 1. – С. 106–108.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одицовской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии. К 70-летию академика А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 309–324.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней-развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – №3(47). – С. 40–56.

Молодин В.И., Соловьев А.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ритуальный комплекс с захоронением коня раннего железного века на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Федоровича Косарева. – Томск: Аграф-Пресс, 2012. – С. 154–165.

Молодин В.И., Софеев О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Майнштейн А.К., Быков Е.В., Шатов А.Г. Новый памятник эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (могильник Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 441–446.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 206–211.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСУДОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ПАМЯТНИКА КРОХАЛЕВКА-13

В.И. Молодин ^{1,2}, **Л.Н. Мыльникова** ^{1,2}, **Д.В. Селин** ^{2,3}

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия*

²*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

³*Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

1. В ходе археологических работ на могильнике Крохалевка-13 (Коченевский р-н НСО) [Сумин и др., 2013, с. 61–63], был выявлен ряд разновременных комплексов, среди которых присутствуют материалы эпохи поздней бронзы: в кургане №1 среди прочего материала зафиксированы три могилы и девять – кенотафов, совершенных на уровне погребенной почвы. Сопроводительный инвентарь представлен керамическими сосудами (12 экземпляров) и бронзовыми изделиями. Авторы монографии [Троицкая, Сумин, Адамов, 2012, с. 14–27] относят полученный материал к еловской культуре, однако отмечают особенное сходство керамики с посудой восточного варианта пахомовской культуры из могильника Старый Сад.

2. Коллекция сосудов из кенотафов и насыпи кургана (12 полных форм) была проанализирована по «Программе статистической обработки керамики из археологических раскопок» [Генинг, 1978, с. 114–135] и методу определения общей пропорциональности сосудов [Бобринский, 1996; Цетлин, 2012, с. 160–164].

3. Выявлено, что для исследуемых сосудов могильника Крохалевка-13 характерны низкие (42%) и средние пропорции (58%). Для всех изделий отмечена низкая по высоте и широкая горло-

вина, а также приплюснутое тулово. По степени профилированности горловины сосуды распределяются на наклонные внутрь (33%), слабо- (8%), сильно- (33%) и очень сильнопрофилированные (26%). Плечики средней высоты (58%) и высокие (42%) от очень слабовыпуклых (42%), до слабо- (50%) и средневypкyлых (8%). Днища сосудов фиксируются как широкие (25%), так и средние (75%).

4. По общей пропорциональности 4 сосуда (34%) отнесены к категории низко-средних пропорций, т.е. относятся к «сосудам-подражаниям». Еще 2 изделия (16%) находятся на границе категорий средних и средне-низких. Остальные 6 экземпляров (50%) принадлежат к категории средних, т.е. к «привычным» формам, характерным для гончарства данной культурной группы.

5. Следует отметить, что подобное исследование было проведено для керамической коллекции (33 экземпляра) эпохи поздней бронзы могильника Старый Сад [Молодин и др., 2014, с. 32]. При сравнении комплексов керамики памятников Крохалевка-13 и Старый Сад выявлено их сходство по всем показателям. Различия прослеживаются в процентных соотношениях. На графике общей пропорциональности точки изделий расположены в одних и тех же позициях.

6. Проведенное исследование позволяет говорить о морфологическом сходстве сосудов эпохи поздней бронзы кургана 1 могильника Крохалевка-13 и некрополя Старый Сад, по материалам которого выделен восточный вариант пахомовской культуры [Молодин и др., 2012, с. 63]. Исходя из вышесказанного, можно отнести материалы Крохалевки-13 с восточным вариантом пахомовской культуры. При этом следует иметь в виду несомненные отличия орнаментальных схем сопоставляемых памятников. Несмотря на количественно незначительную выборку, можно предполагать, что отмеченное сходство формы и орнаментации может объясняться общими для обеих культур субстратами, связанными с бегазы-дандыбаевскими традициями [Молодин, 1981, с. 166].

Список литературы

Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – 233 с.

Археологические памятники Коченевского района Новосибирской области / В.А. Сумин, Е.М. Евтеева, Д.Е. Ануфриев, С.Г. Росляков. – Новосибирск: Изд-во НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосиб. обл., 2013. – 272 с.

Троицкая Т.Н., Сумин В.А., Адамов А.А. Древности Кудряшовского бора: Крохалевка-13 – комплекс археологических памятников. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. – 76 с.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – №1. – С. 114–135.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: Ин-т археологии РАН, 2012. – 379 с.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Журавлев А.А., Трапезов Р.О., Ромащенко А.Г. Генофонд мтДНК представителей восточного варианта пахомовской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – №4 (52). – С. 62–70.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Особенности организации сакрального пространства в эпоху поздней бронзы на могильнике Старый Сад // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – №3 (59). – С. 29–45.

Молодин В.И. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. III: История и культура народов Сибири. – Новосибирск: Изд-во Ин-та истории, филологии и философии СО АН СССР, 1981. – С. 166–167.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕРЕВЯННЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ (II в. до н.э. – V в. н.э.)

В.П. Мыльников

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

1. В результате исследования археологических памятников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. в 80–90-е годы прошлого столетия получены разнообразные деревянные предметы различной степени сохранности. Наличие такого корпуса источников предоставило возможность провести специальные исследования по изучению особенностей одного из древнейших видов производств – деревообработке [Тишкин, Мыльников, 2008].

Обилие предметов самого разнообразного функционального назначения, высокое качество их изготовления показали довольно значительный уровень развития этого ремесла на Алтае в «гунно-сарматское» время.

2. Выделены следующие виды деревообработки: 1) строительное дело (изготовление погребальных сооружений и лож); 2) плотницко-столярные работы (изготовление посуды, оружия, хозяйственно-бытовых предметов, предметов туалета, ритуально-культовых предметов).

3. Зафиксировано практически полное отсутствие предметов с художественной резьбой. Анализ материалов обнаруживает, что данная тенденция наметилась в конце скифской эпохи. Объяснение этого явления, вероятнее всего, заключается в разрушении старых традиций носителями новых культур и утрате навыков мастерства художественной резьбы по дереву, достигшей вер-

шины своего развития в скифский период. Вероятно, в хуннское время произошла замена сложной технологии скифской художественной резьбы по дереву простейшими приемами геометрической резьбы, которыми овладевал любой резчик.

4. В целом можно констатировать, что обработка дерева во II в. до н.э. – V в. н.э. по-прежнему носила характер домашнего ремесла. Основную массу предметов повышенной сложности изготовления выполняли специалисты с большим опытом работы, предполагавшим высокую квалификацию и отточенное мастерство. В первую очередь, это относится к изготовлению предметов вооружения.

5. Несмотря на проведенные почти десять лет назад исследования материала, проблемы его изучения на современном междисциплинарном уровне остаются.

За прошедшие годы накоплен новый материал, требующий комплексного изучения (технология, денрохронология, ксилотомия, эксперимент, интерпретация, реконструкция).

Все еще остается недостаточно полной реконструкция технико-технологического цикла изготовления предметов (стадии, операции, материал, мастер, инструментарий).

Несмотря на почти этнографическую сохранность материала, на многих предметах практически отсутствуют следы обработки. Большое количество предметов во фрагментах требует реконструкции и интерпретации.

Список литературы

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревянные изделия из кургана 31 памятника Яломан II на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – №1 (33). – С. 93–102.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ «ПРИКЛАДОВ» НА РИТУАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ ТАРТАС-1

Д.А. Ненахов

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Западносибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН (начальник отряда – академик В.И. Молодин) продолжены исследования погребально-поминального комплекса Тартас-1 (Венгеровский район Новосибирской области), начатые в 2003 г. [Молодин, Софеев и др., 2003 с. 441–446].

В 2012 г. в западной части памятника был выявлен ритуальный комплекс, относящийся к завершающей стадии эпохи бронзы и принадлежащей восточному варианту пахомовской культуры [Молодин, Наглер, и др., 2012, с. 231–236]. Трехлетний период работ (2012–2014 гг.) обогатил наше представление о планировке памятника, конструктивных особенностях выявленных сооружений, характере материалов, обнаруженных в этой части комплекса [Молодин, Кобелева, и др. 2013, с. 265–269].

Важнейшей проблемой, которая требует специального и детального рассмотрения, является доказательное определение функции исследуемого объекта и обоснование его именно как ритуального (а скажем не поселенческого) комплекса [Савинов, 2007, с. 88]. В этом отношении особое место приобретает определение ритуальных «прикладов», которые имеют место в исследуемых сооружениях.

Помимо фрагментов керамики, мясной и рыбной пищи, дошедшие до нас в виде костей животных, птиц и рыб, выявлены одиночные бронзовые предметы, обнаруженные, как правило,

по одному в каждом сооружении. В двух случаях – это бронзовые наконечники копий, кельт со сквозной втулкой, бронзовый наконечник стрелы, бронзовые бусы, что характерно для эпохи бронзы. Предметы не имели следов сработанности и были изготовлены, возможно, для принесения их в жертву. Важной особенностью является наличие ям с человеческими костями. Эти сакральные действия, безусловно, связаны с бронзолитейным производством (о чем свидетельствуют раскопки 2014 г.).

Интересной находкой является крупный тигель с носиком и ручкой. Изделие было преднамеренно разбито, а его части помещены в разных местах комплекса, разнесенных друг от друга на расстоянии 40 метров. Один фрагмент был обнаружен в яме №547, а другой – на уровне погребенной почвы в траншее №188. Обнаруженные фрагменты позволили реконструировать форму и полезный объем тигля.

Обобщение и описание полученной информации, как и дальнейшие раскопки памятника Тартас-1 позволят получить уникальную информацию, касающуюся иррациональной деятельности носителей восточного варианта пахомовской культуры.

Список литературы

Молодин В.И., Софеев О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемакина М.А., Манштейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г. Новый памятник эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (могильник Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 441–446.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–236.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Мыльникова Л.Н.,

Хансен С. Культурные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XIX. – С. 265–269.

Савинов Д.Г. Ритуальный предмет/изображение (о дифференцированном подходе к изучению) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. – С. 88–95.

ГОРОДИЩА ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ АЛТАЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

Д.В. Папин^{1,2}, А.С. Федорук¹, А.А. Редников¹, Я.В. Фролов¹

*¹ Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

*² Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Возникновение достоверно укрепленных поселков на территории Алтая относится к переходному времени от бронзового века к железному и надежно маркирует смену культурно-исторических эпох [Папин, 2007]. Памятники локализуются в северных предгорьях Алтая. В настоящее время там известны пять городищ того времени: Королев Лог, Усть-Иша 2, Усть-Иша 3а; Солонцы 3, Пикет. На последнем объекте в 2011, 2012, 2014 гг. проводились археологические раскопки [Кирюшин, Папин, Редников, Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов, 2011; Папин, Редников, Федорук А.С., Фролов, 2013].

Памятник, расположен в Бийском районе Алтайского края на юго-западной окраине с. Сростки, занимает площадку западного отрога возвышенного мысовидного выступа береговой террасы правого берега р. Катунь (местное название г. Пикет). После проведенных топографических и электромагнитных исследований [Папин, Редников, Федорук и др., 2014] стала понятна планиграфия исследуемого памятника. На плане четко выделяется система укреплений, проходящая с севера на юг. Городище с напольной стороны укреплено широким и глубоким рвом. С внутренней стороны прослеживается слабо выраженный вал. С северной стороны склон берега в месте выхода выемки рва укреплен эскарпом.

При новом обследовании территории памятника при подготовке топоплана весной было уточнено количество жилищ на памятнике. В результате зафиксированы 86 жилищ, которые просматриваются в рельефе в виде крупных западин, оставшихся после разрушения самих конструкций. Пятьдесят семь жилищных западин расположены внутри городища за рвом, остальные западины находятся с напольной стороны.

В ходе раскопок была полностью исследована одна из жилищных западин, что позволило изучить конструкцию сооружения. Жилище представляло собой каркасно-столбовую постройку полуземляночного типа, с северной стороны врезанную в склон отрога горы Пикет. Максимальная глубина исследованной части котлована составила 1,9 м от дневной поверхности. Вход был организован с южной стороны по склону. Котлован жилища имел подпрямоугольную форму. В углах по краям котлована и в центральной части жилища, зафиксированы ямки от столбовых конструкций, поддерживающих стены и крышу. Стены, вероятно, были сооружены в виде заплота, состоявшего из досок или тонких жердей. Перекрытие крыши сделано из тонких плах или горбылей. Об этом свидетельствуют находки остатков обгоревшего дощатого перекрытия. В центре жилища располагался очаг, обложенный крупной галькой. Вероятно, в центре крыши жилища было сделано отверстие для выхода дыма.

Находки на городище Пикет представлены многочисленными остатками керамической посуды двух основных типов: первый – крупные плоскодонные профилированные горшки – кухонная посуда, и второй – небольшие круглодонные чашки. Также найдены орудия из камня различного функционального назначения.

Состав находок на площади памятника имеет определенные отличия от других объектов рассматриваемого периода в лесостепном Алтае. Отсутствие костей животных и изделий из них в культурном слое, вероятно, свидетельствует о том, что кости утилизировали определенным образом, возможно, выносили на край территории памятника и выбрасывали под склон террасы. Наличие вблизи от памятника большого количества гальки приводило к тому, что примитивно изловленные из нее орудия ис-

пользовались довольно широко в хозяйственной деятельности. Этим, возможно, и объясняется малое количество изделий из кости на городище, которые на памятниках переходного периода в лесостепной зоне при отсутствии камня распространены значительно больше.

Проведенные исследования показали высокие информативные возможности данного типа памятников при проведении культурно-исторических реконструкций «раннескифского» времени Алтая.

Список литературы

Папин Д.В. Особенности расположения памятников рубежа бронзового и железного веков на территории Алтайского Приобья // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 121–125.

Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В., Черных Д.В., Бирюков Р.Ю. Археолого-геофизические исследования городища Пикет // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 165–170.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В. Археологическое изучение памятников эпохи бронзы и раннего железного века Алтайского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 165–170.

Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В. Предварительные итоги изучения городища Пикет // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: АЗБУКА, 2013. – Вып. XVIII–XIX. – С. 219–223.

ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ В 1960-Е ГГ. И СОЗДАНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ (ВООПИК)

Т.С. Паршикова

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В течение 1940–1950-х гг. на Алтае был предпринят ряд мер, направленных на улучшение деятельности по сохранению историко-культурного наследия. Однако, несмотря на проделанную работу, общую проблему охраны памятников полностью так и не удалось решить. Начатые мероприятия были прерваны в связи с сокращением списков охраняемых государством объектов и резким снижением ассигнований на реставрационные и восстановительные изыскания. Дальнейшее развитие охраны памятников пришлось на вторую половину 1960-х гг., когда в вопросах сохранения наследия наметились положительные тенденции. Одной из них стала организация Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК).

ВООПИК было организовано Постановлением Совета Министров РСФСР №882 23 июля 1965 г. в целях привлечения широкой общественности к активному участию в деле охраны памятников истории и культуры. Летом 1966 г. в Москве прошла учредительная конференция [Постановление..., 1966, л. 20–27]. Организация стала первой неправительственной структурой в сфере сохранения наследия, объединявшей в своих рядах не только краеведов-любителей, но, прежде всего, специалистов: архитекторов, историков, искусствоведов, музейных и архивных работников, реставраторов, инженеров-технологов, археологов [Проект..., 1965].

В июле 1966 г. Президиумом Центрального Совета Общества утверждены местные отделения [Алтайское отделение..., 1966, л. 3], а также сформирована Государственная Инспекция по охране памятников. В ее состав вошли три отдела: охраны, реставрации, эксплуатации и пропаганды. Одним из приоритетных оставался вопрос учета памятников. Отсутствие научно обоснованной классификации и критериев оценки вело к сокращению списков охраняемых объектов, исключению некоторых из них из перечней и др. Для решения данной проблемы Инспекцией ВООПИК разработаны «Основные положения для отбора памятников истории и культуры, подлежащих государственной охране».

В 1966 г. в Алтайском крае прошла первая региональная конференция ВООПИК [Материалы..., 1966], где в ходе обсуждения одной из основных была обозначена проблема учета памятников археологии. Продолжались работы по выявлению и изучению таких объектов, проводились исследования на комплексах, находившихся в аварийном состоянии. Для более эффективных действий в данном направлении предлагалось провести работу по составлению карты археологических объектов (в основном это касалось курганов), которые следовало вывести из системы землепользования [Алтайское отделение..., 1966, л. 15].

На конференции Советом краевого отделения ВООПИК обозначены основные критерии для отбора памятников истории и культуры, подлежащих государственной охране. Для археологических объектов в первую очередь следовало учитывать следующие факторы: значимость в решении вопросов развития материальной культуры и техники; значение памятника при изучении экономической, социальной, политической и культурной истории народов РСФСР, истории образования российского государства; наличие на памятнике культурного слоя значительной мощности и хорошей сохранности, с четкой стратиграфией и содержащего свидетельства человеческой деятельности. Обязательной охране подлежали памятники археологии, давшие название археологическим культурам, на которых сохранились не раскопанные участки. На каждый памятник составлялась учетная документа-

ция (паспорт, акт технического состояния и охранное обязательство). Первичным охранным документом являлась учетная карточка ВООПИК.

Информация, полученная об объектах наследия в данный период, сыграла большую роль для дальнейшего их изучения. Благодаря созданию Общества и его деятельности в конце 1960-х гг. были предприняты конкретные меры по сохранению археологических объектов.

Список литературы

Алтайское краевое отделение Всероссийского общества охраны памятников // Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). – 1967. Ф.Р. – 1594. – Оп. 1. – Д. 4. – 77 л.

Материалы первой краевой конференции ВООПИК // КГКУ ГААК. – 1966. Ф.Р. – 1549. – Оп. 1. – Д. 2. – 217 л.

Постановление Совета Министров РСФСР, президиум Центрального Совета ВООПИК, переписка // КГКУ ГААК. – 1966. Ф.Р. – 1549. – Оп. 1. – Д. 1. – 95 л.

Проект Устава ВООПИК // Алтайский государственный краеведческий музей. – 1965. ОФ 12479/1. – 13 л.

МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСТАНКОВ ДОМЕСТИЦИРОВАННЫХ ЖИВОТНЫХ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

А.С. Пилипенко¹, Д.В. Папин²

*¹ Институт цитологии и генетики СО РАН,
Новосибирск, Россия*

*² Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14. Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Евразии».

Территория юга Западной Сибири, в частности Алтай, является одним из ключевых районов для понимания процессов проникновения практики скотоводства на территорию Сибири, дальнейшего развития форм скотоводства и его роли в историко-культурном развитии населения региона. На этой территории обнаружены наиболее ранние останки доместигированных животных, которые проникли на юг Сибири вместе с населением афанасьевской культуры в эпоху ранней бронзы. Уже с периода ранней бронзы скотоводство становится неотъемлемым компонентом хозяйства населения юга Западной Сибири. В дальнейшем происходит изменение форм скотоводства, отражавшееся в составе стада, под влиянием как внешних причин (например, миграция носителей андроновской культуры на юг Западной Сибири и последующие масштабные миграционные волны), так и под воздействием специфичных локальных условий (особенности окружающей среды, направления культурного развития населения).

Традиционно вопросы возникновения и развития скотоводства изучаются в составе комплексного археологического исследования методами палеозоологии и остеометрии. Развитие методов получения и анализа образцов ДНК из костных останков

животных открывает дополнительные возможности анализа накопленных палеозоологических материалов.

В рамках данного исследования проводится молекулярно-генетический анализ останков domesticiрованных животных из археологических памятников Алтая, относящихся к различным периодам эпохи бронзы. Палеогенетические исследования проводятся на базе Межинститутского сектора молекулярной палеогегетики ИЦиГ СО РАН и ИАЭТ СО РАН. Исследование охватывает останки domesticiрованных животных нескольких видов – лошадей, мелкого рогатого скота, крупного рогатого скота. Такой подход позволяет подвергать анализу как изменения состава стада в целом, так и процессы с отдельными видами животных. Проект предполагает выполнение анализа структуры митохондриальной ДНК (мтДНК), а также отдельных филогеографически информативных маркеров ядерной ДНК. Целями такого анализа является как установление (или подтверждение) точной видовой принадлежности останков, так и проведение филогеографических реконструкций, позволяющих определить возможные источники проникновения domesticiрованных животных на территорию юга Сибири в различные периоды эпохи бронзы. Таким образом, ДНК domesticiрованных животных используется в качестве независимого инструмента для установления источников миграции населения в регион и векторов внешних связей популяций региона. Аналогичное исследование проводится для сопредельных лесостепных районов Западной Сибири (Барабинская лесостепь), что дает возможность осуществлять сравнительный анализ данных, полученных для двух регионов.

На данном этапе в исследование включены материалы с двух поселений саргаринско-алексеевской культуры эпохи поздней бронзы Рублево-6 и Жарково-3 из различных районов Кулундинской степи Обь-Иртышского междуречья. На следующих этапах в работу будут вовлечены останки животных из археологических памятников предшествующих периодов (афанасьевская, елунинская, андроновская культуры). Это позволит выявить временную динамику структуры генофонда domesticiрованных животных в регионе и связать ее с конкретными событиями, протекавшими здесь по данным археологии.

ВРЕМЕННЫЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАМКИ ЛЕВАЛЛУАЗСКОЙ ОСТРИЙНОЙ ТЕХНОЛОГИИ В СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Е.П. Рыбин

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

При анализе распространения леваллуазской технологии Северная и Центральная Азия, в целом, и Горный Алтай, в частности, обычно рассматривается, как макрорегион, для каменных индустрий которого характерно применение леваллуа как в среднем, так, отчасти, и в верхнем палеолите [Окладников, 1981; Derevianko, Markin, 1995; Деревянко и др., 2000; Деревянко, Шуньков, 2004]. Исследование морфологии, вариабельности, особенностей технологии раскалывания, географии распространения и хронологии леваллуа в Сибири и северной части Центральной Азии возможно на основе леваллуазских острий, как наиболее уверенно определяемой категории продуктов леваллуазского расщепления.

В Сибири и северной части Центральной Азии выделяются три региона распространения леваллуазского конвергентного однонаправленного типичного расщепления. Это Алтай в широком смысле, включающий в себя Центральный, Северо-Западный и Рудный Алтай, а также изолированные комплексы в южной части Российского и Монгольского Алтая. Второй регион – это Средний Енисей и примыкающая к нему Минусинская котловина. Третий регион – это Центральная Монголия и Гобийский Алтай. Исходя из стратиграфических наблюдений и суммы данных естественно-научных дисциплин, наиболее древние комплексы,

содержащие свидетельства применения метода леваллуазского конвергентного однонаправленного типичного расщепления прослеживаются на территории Горного Алтая в среднепалеолитических индустриях Денисовой пещеры и Усть-Каракола-1. Они относятся к стадиям МИС-5a-d [Деревянко и др., 2003]. В самом представительном и развитом виде данная технология предстает в индустриях поздней стадии среднего палеолита Горного Алтая, относящихся к МИС-4 и началу МИС-3. Позднейшие свидетельства использования леваллуазской конвергентной однонаправленной технологии на Горном Алтае относятся к периоду 35–43 тыс. л.н. На остальных территориях, удаленных от центрального ареала леваллуазской конвергентной однонаправленной технологии, вероятно, ни одна индустрия, содержащая типичные и атипичные леваллуазские острия не может быть достоверно датирована периодом ранее 33–35 тыс. л.н., самые поздние проявления могут быть прослежены вплоть до 27 тыс. л.н. в Монголии (Чихэнагуй) и 29 тыс. л.н. в юго-западных предгорьях Казахского Алтая (Быструха-2). Тем самым, здесь прослеживается одно из наиболее поздних проявлений технологии получения леваллуазских острий в Евразии и прослеживается пространственно-временная трансгрессия в распространении технологии от крайнего западного региона (Алтая) в направлении восток-северо-восток и на юго-восток.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. – Новосибирск, 2003.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – №3.

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтынам (Монголия). – Новосибирск, 1981.

Derevianko A.P., Markin S.V. The Mousterian of the Altai in the Context of the Middle Paleolithic Culture of Eurasia // The Definition and Interpretation of Levallois Technology. – Madison, 1995.

ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ПЛАНИГРАФИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК МОНГОЛИИ

Н.Н. Серегин

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

К настоящему времени в Монголии раскопано около 30 объектов, с разной степенью достоверности относящихся к погребальным комплексам раннесредневековых тюрок. Данная цифра выглядит весьма незначительной по сравнению с количеством захоронений кочевников, исследованных на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона. Ряд рассматриваемых памятников подверглись полному или частичному ограблению, вследствие чего информация оказалась далеко не полной. Наконец, серьезным образом варьирует качество введенных в научный оборот материалов полевых исследований. Вместе с тем, имеющийся объем данных позволяет охарактеризовать основные компоненты обрядовой практики раннесредневековых тюрок Монголии. При этом наибольшие перспективы представляет сравнение этих немногочисленных материалов с известными результатами раскопок памятников Алтае-Саянского региона 2-й половины I тыс. н.э.

Большая часть некрополей раннесредневековых тюрок раскопана в центральных и северных районах Монголии (Архангайском, Баянхонгорском, Булганском, Селенгинском, Уверхангайском, Центральном аймаках). Кроме того, известна небольшая серия объектов в западной части страны (Баян-Улэгейский, Убсунурский и Ховдский аймаки), а также одно захоронение на северо-востоке (Хэнтэйский аймак). Такая локализация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок лишь отчасти объясняется объективными причинами и спецификой расселения

кочевников. В большей степени территориальные рамки распространения известных памятников обусловлены степенью интенсивности полевых исследований в разных частях страны. Потому в ходе будущих археологических работ в Монголии зафиксированная ситуация может измениться.

Погребения тюрок Монголии расположены, в большинстве случаев, на площади некрополей более раннего времени, или в непосредственной близости от них. Чаще всего курганы 2-й половины I тыс. н.э. находились рядом с объектами хуннского периода, либо с херексурами, относящимися к эпохе поздней бронзы и раннескифскому времени [Боровка, 1926, с. 172; Евтюхова, 1957, с. 207; Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967; Худяков, Цэвэндорж, 1999, рис. 1; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004, с. 176; Олзийбаяр, 2007; Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010; и др.]. Ситуация, зафиксированная на памятнике Хар-Ямаатын-Гол, где насыпи раннего средневековья обнаружены к востоку от цепочки курганов пазырыкской культуры, полностью повторяет ситуацию, распространенную для раннесредневековых объектов Алтая [Кубарев и др., 2007, с. 302]. Отметим, что традиция сооружения погребений на площади уже существовавших некрополей или в непосредственной близости от них, в целом, характерна для обрядовой практики тюрок и зафиксирована в ходе раскопок на обширных территориях Алтае-Саянского региона и Центральной Азии [Кубарев, 1992, с. 28; Кубарев, 2005, с. 12–13; Митько, Тетерин, 1998, с. 397–398; Худяков, 2004, с. 42].

Второй вариант планиграфии погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии – расположение курганов одиночно или попарно, в отдалении от памятников предшествующих периодов [Худяков, Турбат, 1999; Гунчинсурэн и др., 2005; и др.]. Такая ситуация встречается более редко, однако также получила распространение во 2-й половине I тыс. н.э. на сопредельных территориях. Кроме того, в отдалении от каких-либо объектов находились известные скальные погребения Монголии раннего средневековья [Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004, т. 20–23, з. 1, 2; Турбат и др., 2008; Хурэлсух, 2008, т. 297, з. 2, 3, 10; Турбат, Батсух, Батбаяр, 2010; и др.].

Обозначенные закономерности расположения и локализации курганов раннесредневековых тюрок Монголии показывают, что традиции погребальной обрядности кочевников этого времени не предполагали сооружения больших отдельных некрополей. Чаще всего объекты 2-й половины I тыс. н.э. были исследованы в ходе раскопок памятников более раннего времени. Дисперсное расположение курганов раннесредневековых тюрок определенным образом осложняет массовые раскопки таких комплексов, и, возможно, является одной из причин небольшого количества известных курганов. Вместе с тем учет выявленных ситуаций дает дополнительные возможности для обнаружения захоронений в ходе дальнейших полевых исследований.

Список литературы

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927.

Гунчинсүрэн Б., Марколонго Б., Пужетта М., Базаргур Д., Болорбат Ц. Турэгийн уед холбогдох хоёр булшны тухай (О двух курганах тюркского периода) // Археологийн судлал. – 2005. – Т. XXIII.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. – 1957. – №2.

Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1992.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005.

Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Лхундев Г., Баярхуу Н., Ким ХыйЧхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Яматын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2007. – Т. XIII.

Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Си-

бирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. I.

Олзийбаяр С. Огооморийн уйгур булш // Туухийн судлал. – 2007. – Т. XXXVII.

Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010.

Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т., Баярхуу Н., Идэрхангай Т. Монгол алтайгаас илэрсэн хадны оршуулгууд // Археологийн судлал. – 2008. – Т. XXVI.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004.

Худяков Ю.С., Турбат Ц. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в Северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск: НГУ, 1999. – Вып. 2.

Худяков Ю.С., Цэвендорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в северо-западной Монголии // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: НГУ, 1999.

Хурэлсүх С. Монгол нутах дахь агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал // Археологийн судлал. – 2008. – Т. XXVI.

Хурэлсүх С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуй норшуулгууд // Acta Historica. – 2004. – Т. V. – Т. 20–30.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2004. – Вып. 2.

Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Овор хавцалын амны түрэг булш // Нуудэлчдийн ов судлал. – 2010. – Т. X. – Fasc. 9.

Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Actaarchaeologica. – 1967. – Т. XIX.

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: НЕСООТВЕТСТВИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТ

Н.Ф. Степанова

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Афанасьевская культура занимает особое место в древней истории Южной Сибири и остается одной из наиболее загадочных, несмотря на длительную историю изучения. Актуальны проблемы хронологии. Абсолютная датировка устанавливается на основании радиоуглеродных дат и относительных аналогий в широких пределах. Проведенный анализ радиоуглеродных дат сократил хронологические границы афанасьевской культуры Горного Алтая до 38–25 вв. до н.э. [Поляков, 2010]. Однако подобная датировка не подтверждается археологическими материалами, в том числе результатами изучения керамических комплексов. Установлено, что большинство памятников близки по времени функционирования [Степанова, 2006, 2009, 2012]. Часть дат более других выделяются из общей серии [Поляков, 2010, рис. 6; 8]. К наиболее древним относятся даты из Кара-Кобы-1, огр. 3, Ело-Баши, огр. 5, Нижнего Тюмечина-1, огр. 7. Однако археологические находки не дают оснований относить эти объекты к ранним памятникам. Необходимо обратить внимание на отбор проб. Например, на могильнике Н. Тюмечин-1, огр. 7 не было деревянного перекрытия. Остается неясным, откуда произведен отбор образцов. По-видимому, анализ выполнен по уголькам, обнаруженным в ограде, над могилой и в ее заполнение. Остатки угля изредка фиксируются в афанасьевских оградах, но утверждать, что это черта погребального обряда, преждевременно. Погребение нарушено грызунами, кости ног, фаланги пальцев обнаружены среди камней ограды. В целом захоронение не выделяется среди афанасьевских. На Кара-Кобе-1, огр. 3

погребение также нарушено, погребальный обряд реконструировать не удалось. Возле могилы сохранились остатки бревна от перекрытия, диаметром до 20–25 см, что необычно для афанасьевских оград Горного Алтая, где, как правило, фиксируются остатки плашек, жердей, древесный тлен. Образец для последней даты брался от сердцевины дерева, что не могло не отразиться на полученном результате. Необходимо отметить, что имеются две даты, сделанные в разные годы. По сравнению с другими, между ними нет значительных различий. Объект выделяется среди остальных в Горном Алтае по некоторым признакам. Например, один из остродонных сосудов украшен обычной качалкой, другой – необычным орнаментом с крупными зубцами характерным для эпохи бронзы. Ограда из Ело-Баши выделяется наличием земляной насыпи. Погребение также нарушено, обнаружен необычный инвентарь. Найден плоскодонный сосуд, не имеющий аналогий в Горном Алтае, но почти идентичное изделие зафиксировано на Енисее на Карасуке III, огр. 9, м. 2а в погребении ребенка, которое однозначно относится к поздним [Грязнов, 1999]. Ограды из Кара-Кобы-1 и Ело-Баши сближают размеры (15–16 м) и ряд особенностей надмогильных конструкций. В целом, на всех объектах нет признаков, которые можно считать ранними, однако в двух выявлены поздние черты. Вероятнее всего, расхождение археологических и радиоуглеродных датировок связано с отбором образцов.

Список литературы

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. – СПб., 1999. – 36 с.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. – Барнаул, 2010. – С. 158–171.

Степанова Н.Ф. Могильник афанасьевской культуры в устье Куяума (раскопки 1964, 1965, 1969 гг. и итоги исследований) // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. – Барнаул, 2006. – Ч. 1. – С. 129–137.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской археологической культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул, 2009. – С. 154–159.

Степанова Н.Ф. Проблемы хронологии афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник 2. – Барнаул, 2012. – С. 183–195.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОРТАТИВНОГО РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНОГО СПЕКТРОМЕТРА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

А.А. Тишкин

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В настоящее время в Алтайском государственном университете (АлтГУ) имеется портативный рентгенофлюоресцентный спектрометр ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) в комплекте с КПК и специальным стендом. Он работает с использованием двух программных режимов («Аналитический» и «Горнорудный»). Изначально прибор рассчитан для установления химического состава материалов в промышленных условиях. Поэтому необходимо было его адаптировать под решение задач исследования древних и средневековых изделий из цветных металлов. В этом процессе участвовали заинтересованные коллеги из Института минералогии УрО РАН, а также представители фирмы-поставщика. О преимуществах и недостатках применяемого для изучения археологических находок неразрушающего метода рентгенофлюоресцентного анализа уже накоплено много информации [Енисова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 114–120; Черных, Луньков, 2009; Тишкин, Серегин, 2011, с. 61–66; и др.]. Существенными преимуществами портативного спектрометра является быстрота получаемого результата и возможность исследовать разные участки самих предметов (особенно крупных).

За весь период работы анализатора Альфа-2000 сформировалась представительная серия определений, основанных на тестировании поверхностей металлических изделий, которые

обнаружены в археологических памятниках разных регионах Сибири, Казахстана и Монголии. Эти данные регулярно вводятся в научный оборот. Накопленный массив показателей требует систематизации путем создания нескольких электронных баз данных. Такая перспективная деятельность потребует немало времени, но она обеспечит возможность более широкого использования имеющихся сведений. Очень важно в этом плане наладить взаимодействие с учреждениями России, которые используют рентгенофлюоресцентные спектрометры для научных целей.

Исследования, предпринятые с помощью указанного прибора, реализовывались в нескольких направлениях (по археологическим культурам, отдельным категориям изделий, музейным собраниям и т.д.). Специальной программой стало изучение предметов древней и средневековой тюркетики. В ее рамках изучались металлические зеркала, а также значительное количество украшений конской амуниции и поясной гарнитуры. Как показывает опыт, эффективным является сплошное и многократное тестирование всех изделий. Сложность для исследований представляют многокомпонентные средневековые украшения.

Особое место занимает использование прибора при изучении музейных коллекций Западной Сибири и Алтая. В этом направлении уже проделана определенная работа. Однако масштабы предстоящих проектов довольно существенные. В этом плане реализуется ряд преимуществ портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра, в том числе проведение неразрушающего анализа. Необходимое механическое снятие окислов с поверхности изделий не должно пугать музейных работников, так как при реставрации данная процедура является обязательной. Опыт изучения медных котлов раннего железного века, имеющихся в музеях г. Барнаула, позволяет распространить его на другие собрания.

Небольшие габариты прибора и его безопасность при эксплуатации позволяют поводить тестирования на выездах, в том числе за рубежом. Так, в 2012 г. во время экспедиционных работ в Монголии изучена археологическая коллекция Ховдского музея, а также группа случайных находок, сконцентрированных в музее Ховдского государственного университета. Часть по-

лученной информации уже отражена в публикациях [Тишкин, Мунхбаяр, 2013, 2014 и др.]. Необходимым направлением использования спектрометра стало изучение находок из цветных металлов, обнаруженных на территории Восточного Казахстана. Такие работы проводятся совместно с археологами Павлодарского государственного университета. Имеются перспективы в расширении территориального охвата производимых исследований, так как возможности прибора не реализуются в полном объеме. Особенно важным является изучение находок из Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и Средней Азии.

Развитию программы использования рентгенофлуоресцентного анализа будет способствовать совершенствование приборной базы в созданной лаборатории. С этой целью предпринята покупка нового комплекса. Стоит надеяться, что сочетание приборов позволит не только сравнивать и контролировать результаты, но и более детально и эффективно изучать археологических находки. Полученная объективная информация позволит существенно продвинуться в процессе реконструкции особенностей исторического процесса.

Список литературы

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / А.А. Коновалов, Н.В. Ениосова, Р.А. Митоян, Т.Г. Сарачева. – М.: Вост. лит, 2008. – Ч. 2. – С. 107–154.

Тишкин А.А. Перспективные возможности проведения рентгенофлуоресцентного анализа изделий из цветных металлов в музеях Алтайского края // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С. 93–98.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Б.Ч. Коллекция случайных находок из Музея Ховдского государственного университета (Монголия) // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. – Томск: Том. ун-т, 2013. – Вып. 3. – С. 327–337.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч. Рентгенофлуоресцентный анализ металлических ножей из музея г. Ховда (Монголия) // Труды IV (XX)

Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. IV. – С. 191–195.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). – Барнаул: Азбука, 2011. – 144 с.: ил.

Черных Е.Н., Луньков В.Ю. Методика рентгено-флуоресцентного анализа меди и бронз в лаборатории Института археологии // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – М.: Ин-т археологии РАН, 2009. – Вып. 1. – С. 78–83.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ ИЗУЧЕНИЯ «ОЛЕННЫХ» КАМНЕЙ

А.А. Тишкин¹, А.Н. Мухарева², Т.-О. Идэрхангай^{1,3}

*¹ Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия;*

*² Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия*

*³ Улаанбаатарский институт Монгольского
государственного университета,
Улан-Батор, Монголия*

Работа выполнена при частичной поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

«Оленные» камни являются важными источниками для изучения древней истории Евразии. Значительное их число сосредоточено в Монголии и на сопредельных северных территориях (Алтай и Тува). Имеются локальные особенности изготовления и использования таких изваяний. Несмотря на то, что сведения об «оленных» камнях формируются уже много десятков лет, процесс накопления информации, необходимой для всесторонних исследований, еще продолжается. Существенное значение при этом имеют разные способы копирования.

Летом 2014 г. осуществлялись плановые работы по выявлению, мониторингу и изучению «оленных» камней в Западной и Центральной Монголии.

В Эрдэнэбурэн сомоне Ховдского аймака зафиксированы ранее известные «оленные» камни на памятнике Баян Энгэр [Волков, 2002, с. 49], а также два других специфических древних изваяния (на одиночном кургане Хох Богоч и у оз. Хаг). Они впервые скопированы на микалентную бумагу, подробно описаны и сфотографированы.

Существенное количество «оленных» камней обнаружено в урочище Хушуун дэнж на территории Батцэнгэл сомона Архан-

гайского аймака. В данном сообщении будут приведены сведения лишь о тех «скульптурах», которые найдены при раскопках оградки №2 памятника Хушуун дэнж-04 (см. информацию об этом в данном сборнике). Остальные располагались в составе стенок других аналогичных объектов. Их документирование проходило по отработанной программе.

Один из «оленных» камней находился в восточной стенке оградки №2. Первоначально были видны лишь части, покрытые лишайником. Рисунки на них не просматривались. После того, как оградку раскопали и «оленный» камень освободили от земли, стали видны пояс, ожерелье, серьги и крюк. Дальнейшая очистка позволила обнаружить изображения оленей, выполненных в технике шлифовки. Рисунки очень неглубокие и едва прослеживались на каменной поверхности. Фигуры крупные, переходят с грани на грань. Длина камня – 201 см, толщина – 14 см, ширина – 54 см.

В западной стенке ограды №2 при зачистке был обнаружен «оленный» камень, у которого прослеживались лишь две горизонтально опоясывающие полосы. После того, как его очистили от земли, на передней грани стала видна подвеска в виде клыка, а на правой боковой грани проявились фигуры девяти оленей, изображенных «идушими» друг за другом вверх. У пояса просматривались подвешенные нож и оселок (?). Рисунки выполнены в технике шлифовки и смотрелись светлее на красноватой поверхности камня. Размеры использованного каменного блока такие: длина – 191 см, толщина – 24 см, ширина – 19 см.

Следующий зафиксированный «оленный» камень лежал в северной стенке оградки №2. При зачистке проявились две горизонтальные полосы, опоясывающие камень. Других изображений не отмечено. При разборке каменной кладки внутри оградки была найдена стела со следами обработки, по форме напоминающая «оленный» камень. Изображений на ней не выявлено.

Два «оленных» камня были обследованы в местности Энхтайван уул, расположенной в 2,5 км от сомонного центра Батцэнгэл, на левом берегу р. Хойт-Тамир. В настоящее время изваяния находятся в 160 м друг от друга.

Один небольшой «оленный» камень установлен вертикально. Он отличается от большинства тем, что вместо изображений животных на всех его гранях имеются вертикальные и горизонтальные линии, передающие изображение крупных панцирных пластин (рис. 1). Из других реалий имеются подвеска, серьга и «ожерелье», переданное двойной линией. Первоначально этот «оленный» камень лежал на плиточной могиле, недалеко от которой расположен херексур.

Рис. 1. Энхтайван уул. «Оленный» камень с изображениями панцирных пластин (фото микалентной копии)

Другой «оленный» камень с изображениями оленей и оружия находится к востоку от первого. В настоящее время он обломан по линию пояса и лежит на земле (о нем имеется информация в монографии В.В. Волкова [2002, с. 27, табл. I.-3]). Из реалий частично сохранились серьги и «ожерелье», есть щит и изогнутый нож (?). Большинство изображений – олени (рис. 2). Первоначально рисунки, скорее всего, были хорошо видны на всех четырех гранях. В настоящее время они лучшим образом сохранились на лицевой стороне. В результате выветривания или в силу еще каких-то факторов, изображения на задней грани сглажены настолько, что слабо проявляются лишь при косом свете. В остальное время они практически не видны. Географические координаты, полученные с помощью GPS-приемника у лежащего обломка «оленного» камня, такие: N – 47°46.782'; E – 102°00.059'. Высота над у.м. – 1421 м.

Рис. 2. Энхтайван уул. Зафиксированные изображения на обломанной «оленном» камне (фото микалентной копии)

Материалы, полученные в ходе полевых изысканий, требуют дальнейшей обработки. Особенно важным станет идентификация зафиксированных реалий и поиск аналогий среди обнаруженных предметов материальной культуры скотоводов Центральной Азии периода поздней бронзы и аржано-майэмирского времени.

Список литературы

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В МУЗЕЯХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Т.В. Тишкина

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

К настоящему времени в музеях Алтайского края отложилось существенное количество археологических коллекций и единичных находок. Их систематическое и междисциплинарное изучение еще не предпринималось, хотя имеются публикации, в которых представлены отдельные сведения и аналитические заключения. Основной задачей начального этапа работы с музейными собраниями является выявление всех артефактов и выяснение истории их поступления.

В Барнаульском музее фонд древних предметов стал формироваться с 1820-х гг. [Геблер, 1993, с. 30]. В 1918 г. в здании бывшей лаборатории Алтайского округа был открыт публичный музей, который дополнили коллекции Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. В 1920 г. в одной из витрин демонстрировались некоторые археологические находки [КГКУ ГААК. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 16].

В 1920-е гг. в Бийске и Камне открылись музеи, имевшие различные собрания, в том числе древних артефактов [Тишкина, 2013, с. 230]. В последующие годы поступления археологических предметов осуществлялись благодаря предоставлению частными лицами случайно обнаруженных изделий и в результате проведения сотрудниками экспедиционных исследований.

Сейчас в Алтайском государственном краеведческом музее (АГКМ, г. Барнаул) археологическое собрание включает 16827 ед. хр. В Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА, г. Барнаул) интересующие

нас материалы стали поступать в первые годы его деятельности. В 1992–1993 гг. были проведены экспедиции совместно с Алтайским госуниверситетом, в результате которых сформировалась «Коллекция археологических находок» из 971 ед. хр. [Ехлаков, 2009, с. 243]. Следует упомянуть, что некоторые археологические предметы представлены в «Фонде художника, мыслителя, писателя и общественного деятеля Н.К. Рериха (1874–1947) и членов его семьи», а также в тематическом собрании «Археологические экспедиции С.И. Руденко на Алтае». Совсем недавно в ГМИЛИКА был передан древний железный меч.

Археологические исследования в Алтайском крае и на сопредельных территориях осуществляют Алтайский государственный университет (АлтГУ) и Алтайская государственная педагогическая академия (АлтГПА). Материалы экспедиций сдаются в музеи этих учреждений. Археологический отдел Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ насчитывает 72774 ед. хр., объединенных в 644 коллекции (Музей археологии и этнографии Алтая // altarcheomuseum.wix.com/altai-archeology#!collection/ch3: [Электронный ресурс]. Режим доступа – 17.11.2014 г.). В музее АлтГПА также имеется представительное археологическое собрание.

Не менее значительный объем древних и средневековых предметов находится в муниципальных музеях Алтайского края. Так, специальный раздел выделен в структуре экспозиции МБУ «Бийский краеведческий музей имени В.В. Бианки». В его археологических фондах на 01.01.2014 г. насчитывалось 65874 ед. хр. В экспозиции, демонстрирующей развитие культуры от палеолита до средневековья, представлены деревянная колода-саркофаг из Второго Пазырыкского кургана (раскопки С.И. Руденко в 1947 г.), бронзовый котел скифского типа (VII–III вв. до н.э.), тюркские изваяния и другие раритеты.

В музей г. Змеиногорска первые археологические предметы (удила с псалиями, пряжки, пронизки и др.) поступили в июле 1985 г. Они были случайно обнаружены при обвале берега р. Корболихи и переданы школьниками с. Карамышево. К 01.01.2011 г. МБУК «Музей истории развития горного производства им. А. Демидова» (г. Змеиногорск) имел 1023 ед. хр. археологических экспонатов.

Витрины с археологическими предметами демонстрируются посетителям в МБУК «Алейский историко-краеведческий музей», МБУ «Косихинский районный краеведческий музей», МБУК «Павловский историко-художественный музей», МКУК «Топчихинский районный краеведческий музей» и др. В экспозиции МБУК «Тальменский районный краеведческий музей» представлен стенд «Археолог А.П. Уманский, исследователь Новотроицких курганов в Тальменке». МКУК «Шелаболихинский районный музей» обладает 140 ед. хр. предметов археологии. Большая их часть представлена в экспозиции. Экспонаты этикетированы, снабжены табличками с указаниями места обнаружения, даты и лица, передавшего артефакты в музей.

Начатая работа по изучению археологических коллекций государственных, муниципальных, вузовских и других музеев Алтайского края позволит сформировать существенный потенциал для научной деятельности. Одним из планируемых обобщений может стать создание каталогов (как в печатном, так и в электронном виде).

Список литературы

Геблер Ф. «Известия о Барнаульском музее» // Алтайский сборник. – Барнаул: ГИПП «Алтай», 1993. – Вып. XVII. – С. 25–30.

Ехлаков В.М. Коллекция археологических находок // Путеводитель по фондам и собраниям Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2009. – 247 с.

Тишкина Т.В. Музеи Алтая в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2013. – №4/2 (80). – С. 228–235.

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ БАРАНГОЛЬСКОГО НЕКРОПОЛЯ
СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
(долина Нижней Катунь)**

С.С. Тур

*Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Курганные группы Барангол-1, 2, 4, расположенные вдоль Чуйского тракта, между селами Усть-Муны и Барангол в долине Нижней Катунь, были раскопаны А.П. Бородовским в 1992–2000 гг. Некрополь датируется V–III вв. до н.э. и является эталонным памятником северного варианта пазырыкской культуры [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 19–20, 41–46].

Палеоантропологические материалы из пазырыкских погребений Нижней Катунь вводятся в научный оборот впервые. Были изучены костные останки 46 индивидов – 13 детей и 33 взрослых. Анализировались поло-возрастные, краниометрические, остеометрические и палеопатологические данные.

Установлены основные показатели демографической структуры барангольской выборки. Средний возраст смерти у женщин был существенно ниже, чем у мужчин за счет повышенного риска смертности в раннем детородном возрасте (15–25 лет). Уровень фертильности в исследованной группе средний.

По краниометрическим особенностям барангольская выборка обнаруживает близкое сходство с синхронными группами Юго-Восточного Алтая [Чикишева, 2003, табл. 7–8; Тур, Рыкун, 2004, табл. 2] и долины Средней Катунь [Тур, 2003, табл. 9], что свидетельствует об общности происхождения населения в пределах всего ареала пазырыкской культуры.

Остеометрические данные показывают, что в барангольской группе проявляется тенденция к долихоморфности общих пропорций тела и понижению весо-ростового индекса, которая имеет южный градиент. Это сближает исследованную выборку с населением Юго-Восточного Алтая [Чикишева, 1994, с. 171–172; неопубликованные данные Тур, Рыкун] и отличает от населения лесостепного Алтая [Тур, Рыкун, 2014] и Тувы [Радзюн, Казарницкий, 2011, табл. 1]. Однако уровень полового диморфизма по длине тела на Нижней Катуне меньше, чем в районах Юго-Западного Алтая, что может объясняться локальными особенностями рациона питания, в частности, неодинаковым соотношением белков и углеводов.

При изучении зубных индикаторов палеодиеты установлено, что в долине Нижней Катуни был широко распространен зубной кариес, возникновение которого, согласно клиническим и экспериментальным данным, связано с потреблением сахаров и термически обработанных крахмалов. Заболевание охватывало 84,6% взрослых и 18,9% зубов из числа всех обследованных, независимо от пола. У населения Юго-Восточного Алтая кариес встречался относительно редко (1,8% зубов). Широкое распространение кариеса в барангольской выборке свидетельствует в пользу того, что население Нижней Катуни помимо скотоводства занималось земледелием.

Для развития и уточнения полученных представлений о происхождении, этногенетических связях и образе жизни скотоводов северной части ареала пазырыкской культуры необходимо изучить имеющиеся антропологические материалы из других могильников Нижней Катуни скифского времени.

Список литературы

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины Нижней Катуни в эпоху палеометалла. – Новосибирск, 2013.

Радзюн А.Б., Казарницкий А.А. Остеометрическая характеристика населения скифского времени из могильника Аймырлыг // Вестник антропологии. – М., 2011. – Вып. 19.

Тур С.С. Антропологический состав населения Средней Катунь скифского времени (внутригрупповой анализ) // Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпохи Горного Алтая. Ч. 2. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул, 2003. – Приложение II. – С. 137–169.

Тур С.С., Рыкун М.П. Краниологические материалы пазырыкской культуры из могильников в урочище Кызыл-Джар // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – №12.

Тур С.С., Рыкун М.П. Морфология посткраниального скелета древних скотоводов лесостепного Алтая: хронологическая и этнокультурная изменчивость // Труды IV (XX) археологического съезда. – Казань, 2014. – Т. IV. – С. 410–413.

Тур С.С., Рыкун М.П. Морфология посткраниального скелета древних скотоводов лесостепного Алтая: хронологическая и этнокультурная изменчивость // Материалы IV (XX) Всероссийского Археологического съезда. – Казань, 2014.

Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Гл. 2. – Новосибирск, 2003.

Чикишева Т.А. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск, 1994.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ

О.А. Федорук

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Для территории Западной Сибири тема реконструкции социальной организации населения эпохи развитой бронзы остается слабоисследованной [Бобров, 2003]. С одной стороны это связано со сложностью подобных реконструкций, с другой – недостаточным количеством материалов. Имеющиеся методики изучения социальной структуры древних обществ разработаны в основном на материалах более поздних эпох и нуждаются в существенной корректировке. В то же время накопленная за последние годы источниковая база по погребальным комплексам андроновской культуры на территории степного и лесостепного Алтая и имеющиеся антропологические определения позволили по-новому посмотреть на разработку данной проблемы [Федорук, 2013].

Основой для проведения реконструкции социальной организации послужили материалы двух базовых для алтайского региона могильников: Рублево VIII и Фирсово XIV. Была разработана программа изучения социальной структуры андроновского населения с учетом специфики источников. На первом этапе было выявлено наличие взаимосвязи погребальной практики с полом и возрастом умерших. Планиграфический анализ показал, что детские погребения чаще всего располагались по краю могильного поля или небольшими группами на разных участках памятника. Корреляция отдельных элементов погребальных конструкций и инвентаря с антропологическими данными позволила выявить, что с возрастом погребенного были связаны такие параметры, как: глубина за-

хоронения, наличие внутримогильных конструкций, количество сосудов, их размер и сложность орнаментальных построений. Гендерные различия проявляются прежде всего в погребальном инвентаре, а именно в типах украшений. Для мужчин были характерны кольчатые серьги, для женщин – сложносоставные головные уборы, нашейные украшения, украшения для рук и ног (обуви).

В процессе анализа материалов были выявлены элементы погребальной практики, не связанные с полом и возрастом умерших, такие как кремация, положение погребенного на правый бок и т.д. Подобные случаи могут быть связаны как с проявлениями социальной иерархии, так и индивидуальными особенностями умерших людей, их происхождением (инкорпоранты). Решение данного вопроса требует продолжения изысканий и накопления новых материалов.

Дальнейшие исследования в этой области планируется вести по направлению всестороннего изучения керамики, в том числе с привлечением историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [1978]. Техничко-технологический анализ керамики позволяет выявить процессы смешения населения, установить кровнородственные связи. Так, например, наличие нескольких сосудов в одном погребении, изготовленных из разных формовочных масс, может свидетельствовать о том, что они были принесены умершему из разных семей (родов) [Волкова, с. 143].

Список литературы

Бобров В.В. Современное состояние развития социального направления в археологии Сибири // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово, 2003. – С. 3–7.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М., 1978. – 272 с.

Волкова Е.В. Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // Тверской археологический сборник. – Вып. 3. – Тверь, 1998. – С. 135–146.

Федорук О.А. Погребальный обряд и социальная структура андроновского населения степного и лесостепного Алтая: Автореф. дисс. ... к.и.н. – Барнаул, 2013. – 24 с.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НА ГРУНТОВОМ МОГИЛЬНИКЕ ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ В 2014 Г.

***А.В. Фрибус^{1,2}, С.П. Грушин², И.А. Вальков², Д.С. Леонтьева²,
Г.А. Миляев², В.О. Сайберт², О.В. Спиненко², Е.В. Трусова¹***

¹ *Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия*

² *Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В 2014 г. Салаирской археологической экспедицией Алтайского государственного университета (руководитель д.и.н. С.П. Грушин) и Кемеровского государственного университета (руководитель к.и.н. А.В. Фрибус) проводились полевые исследования грунтового могильника Чумыш-Перекал в Залесовском районе Алтайского края. Памятник расположен в предгорьях Салаирского кряжа, на мысовидном участке высокого правого берега р. Чумыш. Могильник открыт в 2012 г. С.П. Грушиным. В обрыве берега были обнаружены остатки разрушающегося погребения, были проведены небольшие охранные раскопки.

В отчетном сезоне перед экспедицией стояли следующие задачи:

- 1) определение границ и планиграфии памятника;
- 2) выяснение стратиграфической ситуации;
- 3) определение хронологической и культурной принадлежности всего памятника и отдельных выявленных комплексов.

Всего было исследовано 7 разновременных погребений и 2 объекта, связанных с поминальными культурами. Обозначены границы памятника, выработаны основные подходы к пониманию его стратиграфии и планиграфии.

Культурно-хронологические комплексы могильника представлены как минимум тремя разновременными горизонтами.

К раннему, предположительно связанному с эпохой позднего неолита – энеолита, относятся погребения №1, 2, 6, 7, 8. Они характеризуются следующим набором признаков: неглубокие могильные ямы, захоронения совершались практически на уровне дневной поверхности; вытянутое на спине положение скелетов; ориентировка на СВ или С (в данном случае вдоль по течению реки); погребения детей рядом со взрослыми; отсутствие или немногочисленность сопроводительного инвентаря, представленного каменными и костяными предметами. С этим же комплексом, вероятно, связан приклад, состоявший из набора каменных орудий и заготовок (объект №2).

Второй культурно-хронологический горизонт памятника связан с эпохой бронзы (андроновская культура). В 2014 г. была исследована лишь одна детская могила (№5) в которой обнаружен керамический сосуд. Наблюдения показывают, что детские кладбища располагаются, как правило, на периферии андроновских могильников.

Третий, наиболее поздний комплекс относится к эпохе раннего железа и представлен двумя погребениями (№3, 4) и, возможно, объектом №1. Могилы №3 и 4 образуют единый ряд, вытянутый по линии СВ–ЮЗ. С большой долей вероятности можно говорить о том, что в одной из них погребен мужчина, а в другой женщина. Комплекс характеризуется следующими признаками: прямоугольные неглубокие ямы; погребальная конструкция в виде рамы с продольным перекрытием; использование бересты при обустройстве могильной ямы; положение погребенных вытянуто на спине; ориентация на СВ или ЮЗ; типичные наборы сопроводительного инвентаря, характерная керамика. По комплексу признаков погребения могут быть отнесены к каменной культуре Верхнего Приобья.

Таким образом, грунтовый могильник Чумыш-Пережат является разновременным памятником, перспективным с точки зрения исследования различных периодов археологии Восточного Алтая.

ПРЯСЛИЦА ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ

Я.В. Фролов

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Разные типы и орнаментация пряслиц, для памятников раннего железного века Верхнего Приобья и Горного Алтая, наряду с керамикой, являются одним из основных индикаторов, позволяющих разграничить разные культурные группы памятников в этих регионах [Бородовский, 1995; Бородовский, Бородовская, 2013; Телегин, 1999; Фролов, 2000]. Важно, что пряслица встречаются в большом количестве, как в захоронениях, так и на поселениях.

Для выделения, типов пряслиц характерных для разных групп памятников скифского времени в Барнаульском Приобье проанализирована группа из 146 пряслиц, происходящих из закрытых комплексов – наиболее полно раскопанных некрополей каменной и староалейской культур.

В погребальных комплексах рассматриваемой территории пряслица являются распространенной находкой. Они происходят из 16,4% всех захоронений. Пряслица характерны для захоронений женщин староалейской культуры. Здесь они встречены в 64% женских захоронений – ими снабжены 2/3 могил. В женских могилах каменных некрополей пряслица встречены примерно в каждом четвертом случае (27%) [Фролов, 2008].

Пряслица в захоронениях РЖВ Барнаульского Приобья в основном изготавливались из керамики (83%), гораздо реже из камня – 9%, в 4% случаев из стенки керамического сосуда, в 2,5% из кости и рога и в 1,5% из бронзы (колесовидные подвески). Пряслица из камня в каменных некрополях встречаются значи-

тельно чаще, чем староалейских. Из всех известных каменных пряслиц в староалейских могильниках найден только один подобный предмет.

Формы пряслиц довольно разнообразны, но образуют несколько основных типов. 70% пряслиц имеют подпрямоугольное или близкое к нему подовальное или трапециевидное сечение. 10% пряслиц имеют ромбовидную или шестигранную в разрезе форму; 7,5% – конусовидную, еще 7,5% полусферическую и 5% сферическую форму.

Наблюдаются различия в формах пряслиц разных групп некрополей рассматриваемой совокупности. 80% староалейских пряслиц имеют прямоугольное, овальное или трапециевидное сечение. В каменных некрополях пряслица этого типа встречены только в 31% случаев. Причем в староалейских некрополях 36% пряслиц имеют трапециевидное сечение. Ромбовидные, шестигранные, конусовидные, полусферические и сферические формы пряслиц характерны для каменных некрополей. В староалейских находки таких типов единичны (8%).

Половина керамических пряслиц (52%) орнаментирована. Элементы орнамента представлены прочерченными (резными) линиями, наколами, ногтевыми вдавлениями. Орнаментальные схемы в основном имеют небольшие вариации. Это – радиальные линии; взаимопроникающие треугольники (заштрихованные сегменты); концентрические круги. Орнаментация пряслиц, встреченная в разных группах некрополей, также имеет свою специфику. Только для староалейской группы могильников характерен орнамент из взаимопроникающих треугольников. В каменных некрополях подобной орнаментации нет. Как уже отмечалось ранее, пряслица с подобной орнаментацией это культурно-дифференцирующий маркер для староалейских некрополей [Фролов, 2008]. Также для пряслиц староалейской культуры характерен орнамент из радиальных линий, в каменных некрополях таких пряслиц единицы.

Соответственно наколы чаще встречаются в каменных некрополях. В староалейских могильниках найдено лишь два пряслица с подобным орнаментом.

Таким образом, довольно четко выявляется культурная специфика распространения пряслиц разных форм и орнаментации. Выделяются предметы типичные как для каменной, так и для староалейской культур. В связи с этим пряслица, с достаточной надежностью, можно привлекать и для определения культурной принадлежности открытых комплексов – прежде всего поселений раннего железного века Верхнего Приобья.

Список литературы

Бородовский А.П. Предметы примитивного прядения как индикатор этнотерриториальных границ горного Алтая в эпоху раннего железа // *Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур.* – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – Т. II. – С. 9–12.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 220 с.

Телегин А.Н. Опыт использования пряслиц в качестве культурно-диагностирующего источника (по материалам эпохи раннего железа) // *Вопросы археологии и истории Южной Сибири.* – Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1999. – С. 140–148.

Фролов Я.В. О пряслицах раннего железного века Верхнего Приобья как культурно-диагностирующем признаке // *Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина.* – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 75–82.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). – Барнаул: Азбука, 2008. – 479 с.

**ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ
ЭПОХИ НЕОЛИТА БАРАБЫ
(по материалам памятника Венгерovo-2)**

Т.А. Чикишева, Д.В. Поздняков, А.В. Зубова

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия*

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор №14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Итогом целенаправленных археологических работ, проведенных в 2011–2013 гг. на памятнике Венгерovo-2, стало обнаружение и изучение двух погребально-ритуальных комплексов эпохи неолита [Молодин и др., 2011, 2013]. В результате их исследования была получена довольно представительная антропологическая коллекция, представленная скелетными материалами более чем от 25 индивидов разной степени сохранности. Краниологическая серия состоит из пяти мужских и шести женских черепов. Предварительные антропологические данные по материалам раскопок 2011–2012 годов из первого комплекса были опубликованы [Чикишева и др., 2011; Зубова и др., 2013].

Морфологические характеристики мужской и женской групп сходны. Для всех них присущи плавные очертания мезокранной, умеренно высокой черепной коробки, средне выраженный рельеф, как надглазничного края, так и затылочной кости, широкое, не высокое, мезогнатное лицо с резко выступающим узким альвеолярным отделом, низкими и широкими орбитами. В горизонтальной плоскости лицевой отдел имеет уплощенность как на верхнем, так и на нижнем уровнях. Спинка носа среднеуплощенная, в сочетании с довольно высоким переносьем и малым углом выступления носовых косточек.

В целом, краниологические особенности индивидов из Венгеро-2 вписываются в пределы их изменчивости у людей эпохи неолита, погребенных в некрополях Барабинской лесостепи [Чикишева, 2012]. Пожалуй, наибольшее сходство по комплексу признаков серия из Венгеро-2 проявляет черепами из некрополя Протока [Полосьмак, Чикишева, Балужева, 1989].

В строении зубной системы погребенных было отмечено значительное число архаичных особенностей. В целом, можно говорить о том, что одонтологический тип популяции, оставившей захоронения памятника Венгеро-2, относится к категории промежуточных между западным и восточным одонтологическим стволами. Представительность набора архаичных морфологических особенностей позволяет предполагать, что эта промежуточность объясняется сохранением особенностей древних недифференцированных в расовом отношении комплексов.

Список литературы

Зубова А.В., Поздняков Д.В., Чикишева Т.А. Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита из памятника Венгеро-2 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 551–554.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Марочкин А.Г. Исследование поселения кротовской культуры Венгеро-2 и открытие неолитического могильника Венгеро-2А // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 199–205.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С., Ковыршина Ю.Н., Борзых К.А. Особенности погребально-ритуальных комплексов неолитического могильника Венгеро-2А // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 124–129.

Неолитические могильники северной Барабы / Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.С. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Чикишева Т.А., Зубова А.В., Поздняков Д.В. Характеристика палеоантропологических материалов из неолитического погребения на поселении Венгерово-2 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 259–264.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ – Алтайский государственный университет.

АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию.

БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет.

ГАППИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт.

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.

ГМВ – Государственный музей Востока.

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук.

КГКУ ГААК – Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края».

МИС – морская изотопная стадия.

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет.

НГУ – Новосибирский государственный университет.

НСО – Новосибирская область.

ОАН – объект археологического наследия.

СА – Советская археология.

СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук Союза советских социалистических республик.

Научное издание

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ
АРХЕОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И АЛТАЯ**

Тезисы докладов отчетной сессии

Тезисы публикуются в авторской редакции
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 18.07.2014. Печать офсетная.
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 11,6.
Тираж 300 экз. Заказ 336.

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а